Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

POÉSIES RÉVOLUTIONNAIRES.

„Пров 38“

ПѢСНИ БОРЬБЫ

СБОРНИКЪ

Революціонныхъ стихотвореній и пѣсенъ.

Изданіе Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

****

Цѣна 40 коп.

ЖЕНЕВА.

Адресъ Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

1902.



225000

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Изъ мотивовъ труда и борьбы.

Ткачи. *Гейне.* 1
Пѣснь къ людямъ Англіи. *Шелли.* 2
Пѣсня о рубашкѣ. *Томаса Гуда.* 4
„Вольный Рабочій“ *В. Ж.* 7
Батракъ. *Маріи Конопницкой.* 8
Два стана. 10
Нечью. 11
* * * Уже близокъ разсвѣтъ 12
Кто подъ землей 13
Кто золото добылъ 14
Сынамъ труда 15
Петру Алексѣеву. *Вербовчанина.* 16
Стихотвореніе рабочаго. 19
Восемь часовъ. Изъ *Бланшарда*, перев. *П. Я.* 20
Первое Мая. 21
Не скорбнымъ, безсильнымъ... Изъ *Уитта Уитмана*, перев. *Тана.* 23
„Мальчишка“. *О. П.* 25
Порогъ. *П. Тургенева.* 26
Матери. *Я.* 27
Матери. *П. Якубовича* 28
Завѣщаніе 29
Видѣнія *П. Я.* 30
Тюремныя видѣнія. *Н. Морозова.* 31
Грезы неволи 40
Узнику (Михайлову). 42
Новоселье. *О.* 43
На смерть Костромина. 45
Памяти С. С. Костромина. *В. А—на.* 46
Новая тюрьма 47
2-ое (14) іюля 1889 г. *Б. Н. Іеймана.* 49
Пѣсня юности. *Л.* 50
Кузнецы. *П. Я.* 51
Завѣщаніе. Памяти П. Л. Лаврова. 52

II. Революціонныя пѣсни.

Рабочая Марсельеза. 55
Вставайте, тираны! 57

Варшавянка 3
Красное знамя. 4
Марсельеза 4
Дубинушка. 5
Смѣло, друзья! 5
Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой 5
Послѣднее прости 5
Къ судьямъ. 6
Пѣсня рубильщиковъ. *П. Якубовича.* 6
Пѣсня ткача. 7
Ужъ ты доля, моя доля 7
Тяжко, братцы, намъ живется 7

III. Юмористическія стихотворенія и пѣсни.

Камаринская. 7
Сказка о попѣ и чортѣ. 7
Плясовая. *Кар...* 78
Дуда. 86
Федорушка. *А. Толстого.* 87
Царь и мужикъ. 88
Депутатамъ. 84
Прокурорскія рѣчи. 86
Прогрессъ. 88
Дознаніе. 89
Тайное собраніе. *Н. Морозова.* 94
Въ память осады кіевскаго ун—тета ген. Драгомировымъ . 96

IV. Изъ весенннихъ мотивовъ 1901 г.

Новый русскій гимнъ. *Баяна.* 101
Потокъ. 102
Пѣсня кіевскихъ студентовъ 103
Лѣсъ рубятъ 105
Дубинушка. 106
На мотивъ Марсельезы. 108
О, не плачь 111
Ослы и Левъ. 112
То было въ Турціи 113
Товарищамъ-рабочимъ. 114
Грѣхъ тяжкій. 116
Оиричники. 119
Пѣсня о Буревѣстникѣ. *М. Горькаго.* 120

ТКАЧИ.

(Изъ Гейне).

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами;
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
„Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
„Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятіе богу, передъ кѣмъ мы съ мольбою
„Склонялися въ голодъ и холодъ зимою!
„Напрасно мы ждали, надежды полны,
„Онъ насъ обманулъ, одурачены мы.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!
„Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ;
„Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ;
„Стрѣлять по собакамъ!“—онъ отдалъ приказъ!
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
„Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
„Гдѣ въ мигъ увядаетъ цвѣтокъ полевой,
„Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой!
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ,
И день, и ночь все ткачъ сидитъ:
„Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
„Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

ПѢСНЬ КЪ ЛЮДЯМЪ АНГЛІИ *).

(„Рабочая Мысль“, № 5).

Люди Англіи! о, зачѣмъ съ постоянной надеждой
Въ пажити лордовъ презрѣнныхъ бросаете вы сѣмена
Ткете въ потѣ лица дорогія одежды
Не для себя — ихъ берутъ господа?

—

О, зачѣмъ отъ рожденья до самой могилы
Вы одѣваете и кормите вашихъ тирановъ,
И на защиту бездѣльниковъ тратите силы,
Кровь отдаете свою этой сворѣ барановъ?

—

О, для чего, пчелы Англіи, вы всѣ куете
Много орудій, плетей и цѣпей
И угнетающимъ васъ отдаете
Трутнямъ продукты работы своей?

—

Много-ль у васъ безмятежнаго времени,
Отдыха, мира, покоя въ тиши
Послѣ труда, послѣ тяжкаго бремени
Радостей свѣтлыхъ и свѣтлой любви?

—

*) Переводъ стихотворенія англійскаго поэта Шелли.

Или своей дорогою цѣною
Вѣчнаго страха и вѣчныхъ страданій
Вы получаете счастье какое,
Будто награду — въ свое обладаніе?

—

Всѣ тѣ посѣвы, что вы засѣваете,
Всѣ тѣ богатства, что вы накопляете,
Въ пользу свою забираетъ другой;
Платья, что въ потѣ лица вы соткете,
Всѣ тѣ орудія, что вы куете, носитъ иной!

—

На мрачныя ваши взгляните жилища:
Они такъ похожи всегда на кладбища;
Въ пышныхъ дворцахъ, что построили вы,
Пышно живутъ только ваши враги!

—

Съ плугомъ, сохой и съ своей бороною,
Съ ткацкимъ станкомъ—всѣ унылой толпой
Медленнымъ шагомъ идете къ кладбищу:
Лучшаго нѣтъ вамъ пріюта—жилища!

—

Ткете на гробъ свой себѣ покрывала:
Англія вашей могилою стала!...
О, отчего вы, трудясь, не порвете
Вашихъ цѣпей?—Вѣдь та сталь, что куете,
У васъ же блеститъ!...
О, засѣвайте посѣвы себѣ—не тирану!
О, не давайте богатствъ шарлатану!
Вашихъ одеждъ не давайте плуту:
Ваше оружье — у васъ на боку!...

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

(Томаса Гуда).

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ—шьетъ—шьетъ
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ—
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ христіанъ.

„Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку—ластовку—воротъ—
Воротъ—ластовку—строчку...
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ—и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

„О, братья любимыхъ сестеръ,
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите—нѣтъ!

А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!...
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жъ полотна!

„Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее,
Похожа отъ голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

„Работай! работай! работай—
Мой трудъ безконечно жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черствaго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ—голый полъ,
Убогая кровля сквозится...
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

„Работай! работай! работай
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка—ластовка—воротъ—
Воротъ—строчка—рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

„Работай! работай! работай,
Когда ледѣнѣетъ въ окошкѣ стекло.
Работай! работай! работай,

Когда и тепло и свѣтло—
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебещутъ въ сіяніи дня
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои
И дразнятъ весною меня.

„О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О! только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О! только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы—легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои, не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить
Шитья моего не мочите!“

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ—шьетъ—шьетъ
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

„ВОЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ“.

Улицей узкой, шумной и бѣдной
Шелъ, опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный,
„Вольный рабочій“...

Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ.

Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ,—
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.

Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умереть гдѣ нибудь подъ заборомъ
Смертью голодной.

Что же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи...
Что ему нужно? Вѣдь воленъ, какъ птица,
„Вольный рабочій“...

В. Ж.

БАТРАКЪ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая,
По узкой межѣ, сквозь рѣдѣющій мракъ,
Въ убогой сермягѣ, кряхтя и вздыхая,
Проходитъ свободный батракъ.

Названіе и правда еще не бывали,
Казалось, отъ вѣка въ разладѣ такомъ!
Еще не свѣтилось подобной печали
Во взорѣ разумномъ—людскомъ!

Тотъ годъ былъ тяжелый: по всходамъ промчался
Серебряный бичъ многоводныхъ дождей,
И пахарь лишь плевелъ безплодныхъ дождался
Съ заплаканной нивы своей.

За подать выгнанъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Изъ хаты, онъ брата кругомъ не нашелъ;
Завѣтную горсть лишь земляицы родимой
Въ платокъ завязалъ и пошелъ!...

Свирѣль заиграла надъ синей рѣкой,
Румяное солнце встаетъ изъ-за горъ...
Свободный батракъ! Что жъ ты сталъ и полою
Кафтана рѣсницы отеръ?

Свободный... Ужъ въ ясли сегодня скотинѣ
Не нужно душистаго сѣна бросать;
Изъ края родного онъ воленъ отнынѣ,
Куда загадаетъ, бѣжать.

Свободный.... Онъ тягости въ мірѣ не знаетъ:
Коса развѣ та, что звенитъ за спиной,
Отрепье, что впалую грудь прикрываетъ,
Да боль отъ тревоги глухой!

Свободный.... Вѣдь можетъ лежать онъ бездумно,
Идти, не жалѣя пораженныхъ ногъ,
Рыдать безъ конца, иль смѣяться безумно,
Пѣть пѣсни... Суди его Богъ!

Замерзнуть онъ можетъ, покончить съ собою,
О камни дорожные черепъ разбить...
Заря будетъ снова смѣняться зарей,
Зари для него ужъ не быть!

Назадъ оглянулся онъ съ горечью новой;
Опишутъ тамъ каждую тряпку въ избѣ,
Убогое поле, лѣсокъ вересковый....
Коса—лишь осталась тебѣ!

Иди же косить!—Хоть издохни безъ хлѣба,
Ея не нарушь ты, иди!

Чего жъ онъ стоитъ, онъ, свободный, какъ птица?
Живи, коли хочешь, не хочешь—умри,
Въ рѣкѣ утопись, иль изсохни, какъ спица,
Трудясь отъ зари до зари!

И горстью хоть волосы рви онъ—не встрѣтитъ
Ни въ комъ состраданья живого бѣднякъ.
Хоть мертвымъ пади—и никто не замѣтитъ...
Свободный онъ, вольный батракъ!

ДВА СТАНА.

Въ мірѣ два стана, нещадно враждующихъ:
Въ первомъ—съ побѣдно поднятой головой
Сонмы веселыхъ, безпечныхъ, ликующихъ,
Сытыхъ, довольныхъ собой;
Сонмы терзающихъ силы народныя,
Нагло сосущихъ народную кровь,
Топчущихъ въ грязь все святое, свободное—
Честь, идеалъ и любовь.
Съ сердцемъ заплывшимъ, душой пресыщенною,
Всюду внося съ собой ложь и развратъ,
Все попираютъ стопой загрязненною,
Куплей—продажей клеймятъ.
Совѣсть и честь для нихъ звуки забытые,
Изгнаны правда, любовь, идеалъ;
Соки народные, въ золото слитые,—
Вотъ гдѣ ихъ богъ, ихъ Ваалъ.
Вѣчная праздность, разгулъ нескончаемый,
Пьянство, обжорство, безстыдный развратъ,
Наглая ложь, произволъ нескрываемый
Здѣсь безпредѣльно царятъ...

Въ станѣ другомъ милліоны униженныхъ,
Стонущихъ тяжко подъ гнетомъ оковъ,
Счастья не знающихъ, рокомъ обиженныхъ,
Цѣпи влачащихъ рабовъ;
Вѣчно надломленныхъ, вѣчно страдающихъ,
Молотомъ, ломомъ, сохой, топоромъ
Жизнь и здоровье свое надрывающихъ
Надъ непосильнымъ трудомъ;
Хищныя стаи жестокихъ мучителей,
Алчныхъ вельможъ и жестокихъ царей,
Царскихъ холоповъ, чиновныхъ грабителей

Кровью питаютъ своей...

Только не вѣчно имъ рабство позорное,
Гнетъ ненавистный смиренно нести;
Кончится скоро молчанье покорное,
И задрожатъ палачи...
Близокъ ужъ часъ, ужъ борьба разгорается,
Мракъ безпросвѣтный не такъ ужъ гнететъ:
Это свободы заря занимается,
Это народъ возстаетъ...

НОЧЬЮ.

Все тихо. Небесныхъ свѣтилъ миріады
Мерцаютъ въ лазурной дали.
Широкою тѣнью легли
При лунномъ сіяніи утесовъ громады...
Въ долинахъ и звѣри, и птицы, и гады
Умолкли и въ норы ушли.

О, какъ хорошо средь природы живется!
Тепло и спокойно вездѣ,
Все спитъ на землѣ и въ водѣ...
Лишь только на фабрикѣ шумъ раздается
И грустная пѣснь оттуда несется
О горѣ и вѣчномъ трудѣ...

За рощею видны фабричные своды,
Ихъ окна сквозь вѣтви блестятъ
И въ сердце вливается ядъ:
Одни только пасынки вольной природы,
Не вѣдая счастья, не зная свободы,
Одни только люди не спятъ!..

О люди! среди безконечнаго міра,
Гдѣ нѣтъ ни рабовъ, ни царей,
Въ тиши этихъ чудныхъ ночей
Вы чуждые гости средь чуждаго пира...
Вселенная—царство свободы и мира,
А вы—достоянье цѣпей...

---

* * *

(„Рабочая Мысль“ № 4)

Уже близокъ разсвѣтъ. Ночи блѣдная тѣнь
Въ свѣтѣ солнца растаять готова;
Наступаетъ гляди, жизнерадостный день
Долгожданнаго вѣка златого:

Пробуждается всюду рабочій народъ
Съ пробужденьемъ дремавшей природы;
Раздалося могуче и грозно: „впередъ,
Угнетенные, къ свѣту и счастью, къ свободѣ!“...

И на этотъ живящій и бодрый призывъ,
Изъ могучей вышедшій груди,
Вѣковые раздоры свои позабывъ,
Отозвались рабочіе люди.

И вступающимъ въ бой солнце шлетъ свой привѣтъ
Въ волнахъ яркаго, чистаго свѣта.

. . . . . .

Загорѣлась заря... Уже близокъ разсвѣтъ...
Близко царство любви и свѣта!

* * *

(„Впередъ“, кіевская рабочая газета, № 8-9).

Кто подъ землей и на землѣ
Въ поляхъ и въ рудникахъ
Проводитъ жизнь свою въ трудѣ,
А мретъ въ нужды когтяхъ?
Кто строитъ, ткетъ, изъ подъ земли
Богатство достаетъ,
Другимъ за жалкіе гроши
Всю роскошь создаетъ?

Спины не можетъ разогнуть,
Спокойно жить и спать?
Да, это ты — рабочій людъ,
Голодный, бѣдный братъ!
Кто потомъ, кровію труда
И храмы, и дворцы воздвигъ,
Построилъ города—
Самъ чужестранецъ въ нихъ?
Палаты, роскошь—для другихъ,
Чердакъ, подвалъ—себѣ,
Ученье въ школахъ дорогихъ
Не дѣтямъ, не тебѣ!
Кто, чтобы жить, продавъ свой трудъ,
Всѣ силы вынужденъ отдать?
Да, это ты—рабочій людъ,
Ты, угнетенный братъ!

Твоимъ трудомъ весь міръ живетъ,
Другимъ ты все отдалъ,
Себѣ жъ, обманутый народъ,
Ты цѣпи лишь сковалъ!
Оружье сдѣлано тобой—
Обращено противъ тебя...

Проснись, народъ, пусть жребій твой
Твоя же выкуетъ рука!
Пора свое тебѣ вернуть,
Себѣ свое забрать!...
Проснись, проснись, рабочій людъ,
Идемъ на бой, голодный братъ!

---

* * *

Кто золото добылъ для царской короны?
Кто сталь для солдатскихъ штыковъ отточилъ?
Ткалъ бархатъ и шелкъ на богатые троны,
Въ ненастье и холодъ за плугомъ ходилъ?
Кто далъ богачамъ и вино, и пшеницу
И горько томится въ нуждѣ безысходной?
Не ты-ль, пролетарій, рабочій голодный!

Кто съ ранняго утра до поздней ночи
Стоналъ, надрывался подъ грохотъ машинъ,
Безсмѣннымъ трудомъ ослѣплялъ себѣ очи,
Чтобъ въ роскоши жилъ фабрикантъ—господинъ?
Кто мощно вертитъ колесо міровое
И... гибнетъ безправнымъ, какъ червь непригодный?
Не ты-ль, пролетарій, рабочій голодный!

Кто гнету насилья, какъ рабъ, подчинялся,
Царямъ ненасытнымъ вѣка прослужилъ,
За нихъ, какъ холопъ, безрасудный сражался
И кровь неповинную жертвенно лилъ?
О, бѣдная родина! Жалкое племя!
Обманъ ненавистный смежилъ тебѣ очи.
Проснись, пролетарій, проснися, рабочій!

Проснись! Сбирайте дружину съ любовью!

Подъ знаменемъ краснымъ клянитесь,—кто смѣлъ,—
Клянитесь, клянитесь, что купите кровью
Свободу, равенство и лучшій удѣлъ!..
Клянитесь, что царство тирановъ погибнетъ,
Что близится вѣкъ справедливый, свободный!
Къ борьбѣ, пролетарій! Къ оружью, голодный!

Въ рукахъ вашихъ сила безсмертнаго знанья,
Всемірною дружбой вашъ крѣпокъ союзъ.
Дружнѣе, какъ братья, направьте старанья
Разбить произволъ деспотическихъ узъ!
Пусть царь васъ осыплетъ солдатской картечью,—
Побѣда за вами, за силой народной...
Побѣда близка, пролетарій голодный!

---

* * *

(„Впередъ“, кіевская рабочая газета, № 8-9).

Сынамъ труда—свободу дать,
Науки мощь и правды свѣтъ—
Вотъ лозунгъ нашъ, вотъ нашъ завѣтъ!
Довольно отдавать другимъ
Свои труды—мы жить хотимъ!
Не надо больше спину гнуть:
Пора свободно всѣмъ вздохнуть!
Въ борьбѣ мы можемъ потерять
Свои лишь цѣпи, а найти
Міръ цѣлый счастья впереди!
Пусть правда въ этотъ міръ придетъ,
Народу счастье принесетъ:
Его для всѣхъ хотимъ мы взять.
Пусть тотъ, чья жизнь идетъ въ трудѣ,
[illegible]

Пусть тотъ, чьи руки въ мозоляхъ,
Не стонутъ такъ въ нужды тискахъ.
Пусть потъ и кровь чужихъ трудовъ
Не строитъ для богатыхъ кровъ,
Имъ роскошь, блескъ не создаетъ...
Пусть всякъ трудомъ своимъ живетъ!

***

Развернувши знамена побѣдныя,
Прошумите надъ міромъ грозой...
О, впередъ!—угнетенные, бѣдные,
Чтобы не былъ міръ больше тюрьмой!
Написавши на знамени красномъ
Боевыя свободы слова,
Поклянемся другъ другу безстрашно,
Что умремъ за защиту труда!
Черезъ трупы борцовъ—угнетеніе
Къ торжеству никогда не придетъ,
На могилахъ ихъ выростетъ мщеніе
И свобода для всѣхъ разцвѣтетъ.
Разворачивай красное знамя,
Угнетенный рабочій народъ,
О, горитъ уже бранное пламя,
Призывая безстрашныхъ впередъ!

ПЕТРУ АЛЕКСѢЕВУ *).

„Барству да маклачеству
„Неужели потворствовать!?
Не хотѣлось молодцу
Кланяться, холопствовать!
Не возлюбило пылкое
Сердце, непокорное,
Путь-дорожку битую.

*) Рабочій Алексѣевъ приговоренъ въ 77 г. по „процессу 50-ти“ за пропаганду къ 10 г. каторги.

Путь-дорожку торную.
Правду неподкупную
Божій свѣтъ увидѣла
Голова удалая
И — возненавидѣла
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую;
Вызвать въ бой осмѣлилась
Гордо, безъ смущенія,
Царскую опричину,
Силу угнетенія.
Эхъ, и озлобились же
Подлостью богатые,
Палачи народные,
Палачи проклятые!
Каменное, жесткое
Сердце ихъ гранитное
Ядомъ переполнилось,
Местью ненавистною.
Говорятъ удалому
Рѣчи ненавистныя:
„За свободомысліе,
„Чувства безкорыстныя,
„Да за жизнь рабочую,
„Трудную да сѣрую,
„Получи наградушку
„Нашу полной мѣрою:
„Ты слюбился съ волюшкой,
„Что съ душой-дѣвицею,
„Такъ спознайся, молодецъ,
„Съ душною темницею.
„Не взлюбилъ ты горюшко,
„Жизнь раба бездольную—
„Такъ ужъ выпей, молодецъ,
„Горя чашу полную.

„Чтобы гребню частому
„Не было заботушки,
„Этой непоклончивой
„Сбрѣемъ полъ-головушки;
„Въ званіи кандальника
„Битаго, голоднаго,
„Ройся въ адской темени
„Рудника холоднаго;
„Знай, землицу-матушку
„Заступомъ покапывай,
„Пѣсни пой о волюшкѣ,
„Да цѣпьми побрякивай!
„Думалъ ты, для родины
„Цѣпи рабства пагубны,—
„Такъ добудь желѣзца намъ,
„Намъ на цѣпи надобно!
„А ужъ цѣпи выкуемъ,
„Такъ на славу:—тонкія,
„Хоть тяжеловатыя,
„Да, какъ гусли, звонкія.“
Голова удалая
Все жъ не поклонилася,
Сердце молодецкое
Все жъ не покорилося:
„Что жъ! закуйте въ цѣпи меня
„И обрѣйте голову,
„Но не сброшу съ плечъ своихъ
„Я креста тяжелаго;
„Не бѣгу страданія,—
„Сила въ немъ великая,—
„Передъ нимъ разсѣется
„Ваша злоба дикая;
„На него помолится
„Весь народъ задавленный,
„Славой увѣнчается
„Вами обезславленный!“

Вербовчанинъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ РАБОЧАГО.

(Взято изъ газеты „Впередъ“ за 1876 годъ, № 33, авторъ стихотворенія—рабочій).

Не трава въ степи колышется,
Не въ дубравѣ вѣтеръ шумитъ:
Кличъ удалый, мощный слышится,
Въ бой съ врагомъ идти велитъ.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецовъ:
Людъ рабочій ополчается
Мстить за дѣдовъ и отцовъ.

Не страшатъ борцовъ мученія,
Ни тюрьма, ни эшафотъ;
Полны мужества, презрѣнія,
Смѣло движутся впередъ.

Такъ возстань же, сила мощная,
Противъ рабства и оковъ!
Судъ чини, расправу грозную:
Зубъ за зубъ и кровь за кровь!

Западетъ пусть въ душу каждаго:
Подлость, зло съ земли стереть,
Иль на трупѣ брата павшаго
За свободу умереть!

Братья! дѣло наше правое:
Смѣло въ путь идти должны;
Пусть насъ сотнями ссылаютъ,
Будь что будетъ—все равно!

Чѣмъ всю жизнь прожить подъ гнетомъ,
Лучше разомъ кончить съ ней.
Жить, какъ жили мы доселѣ,
Это—жизнь межъ двухъ огней.

Пусть горитъ въ душѣ отвага!
Пусть пылаетъ правдой рѣчь!
Пусть девизомъ нашимъ будетъ:
Побѣдить—иль съ честью лечь!

Хлынемъ, братья, не робѣя,
Какъ потоки вешнихъ водъ!
Пусть для деспота со сворой
Часъ отомщенія пробьетъ!

Такъ сойдемся, братья, дружно
Чашу братства вмѣстѣ пить,
Чтобъ надъ павшимъ монархизмомъ
Знамя равенства развить.

ВОСЕМЬ ЧАСОВЪ.

(Изъ Бланчарда).

Братья, нѣтъ силъ для терпѣнья! Мы слишкомъ устали
Вѣчно бороться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!
Хочется воздуха, краснаго солнца, простора, душистыхъ
[цвѣтовъ...
Да, это богу угодно... Мы требуемъ: „Восемь часовъ!“

Всюду на фабрикахъ, въ докахъ, въ толпахъ возглашайте
[народныхъ:
„Восемь часовъ для труда, восемь для сна, восемь—сво-
[бодныхъ!“

Наши волы, что пасутся, покончивши трудъ,
Птицы небесныя, звѣри счастливѣй живутъ.

О, если такъ... для чего же душа въ насъ живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, отъ края до края!
Если молчать будетъ голосъ нужды и труда,
Камни нѣмые за насъ возглаголютъ тогда.

Вѣрьте: не темная сила—духъ правды и свѣта
Насъ призываетъ стоять, не страшась передъ богомъ [отвѣта:
Тотъ, кому образъ свой вѣчный съ любовью онъ могъ [даровать,
Въ прахѣ, какъ червь безсловесный, не долженъ лежать!

Пусть же звучитъ и въ поляхъ, и въ собраніяхъ народ- [ныхъ:
„Восемь часовъ для труда, восемь для сна, восемь—сво- [бодныхъ!“

П. Я.

ПЕРВОЕ МАЯ.

(Майскій Листокъ „Рабочаго Дѣла“ 1900 г.).

Праздникъ свѣтлый и свободный,
Славься, первый майскій день!
Нашъ союзъ международный
Новымъ блескомъ ты одѣнь.
Ужъ прошелъ и годъ десятый,
Съ той поры, какъ цѣлый свѣтъ
Облетѣлъ призывъ крылатый:
Въ этотъ день работы нѣтъ!

***

Пусть же мчится въ общемъ хорѣ
Міровому гимну вслѣдъ
Черезъ горы, черезъ море
Нашъ торжественный отвѣтъ!
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ откликъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ!

***

Наша жизнь идетъ въ неволѣ,
Наша родина—тюрьма,
Нѣтъ позорнѣй нашей доли,
Нѣтъ ужаснѣе ярма.
Встаньте, встаньте ратью смѣлой!
Силу далъ намъ бодрый трудъ.
Словно ленъ перегорѣлый,
Наши цѣпи упадутъ.

***

Развѣ даромъ такъ упорно
Напрягается рука
У пылающаго горна
И жужжащаго станка?
Пусть изъ горна это пламя
Хлынетъ вонъ живымъ ключемъ
И освѣтитъ, словно знамя,
Цѣлый міръ своимъ лучемъ.

***

Нашъ хозяинъ, тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняетъ насъ приплатой,
Посуливъ намъ лишній грошъ...
На посулъ его лукавый

Мы дадимъ одинъ отвѣтъ:
Славься, праздникъ величавый!
Въ этотъ день работы нѣтъ!

***

За хозяиномъ жандармы
Торопливо бьютъ въ набатъ
И выводятъ изъ казармы
Противъ насъ ряды солдатъ.
Насъ угроза не принудитъ,
Нашъ отвѣтъ готовъ давно:
Въ этотъ день труда не будетъ,
Мы рѣшили заодно.

***

Встаньте, братья, бодрой ратью!
Всѣ въ ряды!.. Плечо съ плечомъ!..
Только дружно встать намъ нужно:
Каждый врагъ намъ нипочемъ.
Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ!..

---

*
* *

(Изъ Уатта Уитмана)

Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ,
Усталымъ отъ долгихъ потерь,
Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть свою пѣсню теперь!
Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ!

Мы живы: кипитъ наша алая кровь
Огнемъ неистраченныхъ силъ.

Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы умѣемъ хранить,
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!
Кто выронилъ молотъ и острый рѣзецъ?
Мы рвемся работать взамѣнъ
И строить великій народный дворецъ
Изъ камня разобранныхъ стѣнъ.

Чьи мутные взоры поникли къ землѣ?
Пытливо глядимъ мы впередъ,
Упрямо стремимся увидѣть во мглѣ
Зари отдаленной восходъ.
Несись, моя пѣсня, какъ радостный кликъ,
На дальній, безвѣстный предѣлъ!
Да здравствуетъ юность, кипучій родникъ
Великихъ стремленій и дѣлъ!

Несись, моя пѣсня! Взлети до небесъ,
Какъ соколъ свободный отъ путъ!
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ,
Могучій и творческій трудъ!
Несись, моя пѣсня опять и опять!
Греми надъ землей, какъ труба!
Да здравствуетъ жизни всесильная мать,
Владычица міра—борьба!

Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ...
Мы ласточки свѣжей, зеленой весны,
Идущей за нами во слѣдъ.
Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,

И умерли листья и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ:

Ужъ прокатился громовый ударъ
Съ невѣдомыхъ горныхъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,
Тяжелый колеблется гнетъ.
И вѣтеръ передъ утромъ повѣялъ теплѣй;
Во мракѣ на каждомъ шагу
Незримыя струйки ожившихъ ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.

Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы вѣстники новыхъ временъ!
Весна молодая идетъ намъ во слѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ!

Тимъ.

„МАЛЬЧИШКА“.

„Мальчишка“ я!... Хотите вы сказать,
Что молодъ я, ничтоженъ, не опасенъ,—
Зачѣмъ же вамъ въ тюрьмѣ меня держать?
Зачѣмъ „мальчишка“ такъ для васъ ужасенъ?

„Мальчишки“ мы! Зачѣмъ же поднимать
Вамъ изъ-за насъ такую суматоху?
Тревогу бить и голову терять,
И жертвы несть судебному молоху?

„Мальчишка“ я!... Пусть такъ; но вы то кто жъ?
Идущіе съ дрекольями, толпами

На горсть „дѣтей“, едва скрывая дрожь?
Васъ какъ назвать? Не доблести-ль мужами?

„Мальчишка“ я!... Но знайте—мужъ стальной
Въ „мальчишкѣ“ томъ стараньемъ вашимъ зрѣетъ!
Спасибо вамъ: спознался я съ тюрьмою—
Она во мнѣ кой-что посѣетъ...

И не на радость вамъ такой посѣвъ взойдетъ:
Клянусь, онъ будетъ вамъ на горе!
Узнаете, когда въ народномъ морѣ
Девятый валъ на вашъ корабль найдетъ!

О. П.

ПОРОГЪ.

(Стихотвореніе въ прозѣ.)

Я вижу громадное зданіе, Въ передней стѣнѣ узкая дв раскрыта настежъ; за дверью угрюмая мгла. Передъ вн кимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка.

Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла, и вмѣстѣ съ денящей струей выносится изъ глубины зданія медлительн глухой голосъ.

„О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знае ли ты, что тебя ожидаетъ?“

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

„Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, оби болѣзнь, самая смерть?“

— Знаю.

„Отчужденіе, полное одиночество?“

Знаю... я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удар

„Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей

— Да... и отъ нихъ.

„Хорошо. Ты готова на жертву?“

— Да.

„На безымянную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.“

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

„Готова-ли ты на преступленіе?“

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

„Знаешь-ли ты, заговорилъ онъ, наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?“

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

„Войди!“

Дѣвушка перешагнула порогъ— и тяжелая завѣса упала за нею.

„Дура!“ проскрежеталъ кто-то сзади.

„Святая!“ пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. Тургеневъ.

МАТЕРИ.

(Изъ „Вѣстника Народной Воли“).

Не плачь, о мать моя, и сына не кори:
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
И что ему смѣшна ихъ злоба.
Что много насъ, что пасть иль побѣдить
Идемъ мы, не страшась гоненья,

Что мы свободу вѣчную купить
Идемъ цѣною пытокъ и мученья.
О мать моя, ты можешь ли понять
Слова мои, стремленья гражданина,
Иль умирая будешь повторять,
Что раньше схоронила сына?...

МАТЕРИ.

Мнѣ снилось сегодня: въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
—„Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ!
Все слышу я бряцаніе тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними—знакомая поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!“

— О матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой:
Хоть были бъ три жизни даны мнѣ въ удѣлъ,
Всѣ бы отдалъ я, всѣ... и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую я смѣю-ль отдать?
Могла-либъ меня ты за сына признать?—
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

П. Якубовичъ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Здѣсь умирая, въ казематахъ,
Мы завѣщаемъ всѣмъ друзьямъ
За муки бѣднаго народа
Отомстить врагамъ!

Самой судьбѣ бросайте вызовъ,
Ужъ разъ къ врагу она пошла,
Съ нимъ противъ братства и свободы
Въ союзъ вошла!

Когда же, въ часъ побѣды свѣтлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнетъ въ сердцѣ—завѣщаемъ
Одну любовь!

Пускай тогда межъ вами, братья,
Не будетъ нищихъ, богачей,
Ни вѣчно загнанныхъ страдальцевъ,
Ни палачей!

Вы храмъ воздвигните науки
На мѣсто храма лжи и тьмы,
И храмъ свободы лучезарной
Взамѣнъ тюрьмы!

Пусть край родной не оглашаетъ
Ни стонъ страдающихъ людей,
Ни свистъ бича, ни громъ орудій,
И звонъ цѣпей!

Святая личность человѣка
И честность мысли и труда

Пускай находятъ уваженье
У васъ всегда!

Когда же блеснетъ заря спасенья,
Настанетъ братства свѣтлый часъ,
Въ счастливой жизни вспомните
Друзья и насъ!

ВИДѢНІЯ.

Въ сумракѣ прошлаго, міромъ забытыя,
Въ полночь встаютъ предо мной
Тѣни замученныхъ, кровью облитыя
Съ тихой и скорбной мольбой:
„Бросивъ могилы свои отдаленныя
Въ области вѣчнаго льда,
Думой поэта къ нему привлеченныя,
Всѣ мы слетѣлись сюда.
Много терпѣли мы злаго мученія,
Все за родимый нашъ край.
Вспомни хоть ты насъ и въ бездну забвенія
Намъ погрузиться не дай.
Братьямъ скажи нашу жертву великую,
Подвигъ любви роковой;
Ненависть къ злу безпощадную, дикую
Грустною пѣснью воспой!
Хоть на минуту тѣ звуки печальные
Новую жизнь въ насъ вздохнутъ,
Снова на родину милую, дальнюю
Къ братьямъ любимымъ вернутъ.“

Много ихъ... Гордыя жертвы страданія,
Ихъ не смирившей толпы

Изъ-за могилы намъ шлютъ завѣщаніе
Непримиримой борьбы.
Сестры прекрасныя намъ улыбаются,
Дѣти лепечутъ привѣтъ.
Всѣ вереницею братской сплетаются...
Много ихъ... счету имъ нѣтъ...
Всѣ, что въ пустынѣ ногами усталыми
Тихо къ могилѣ брели;
Всѣ, что служили крупицами малыми
Дѣлу родимой земли;
Всѣ, что любили любовью глубокою
Русскій несчастный народъ;
Всѣ, что боролись со властью жестокою,
Шли, не блѣднѣя, впередъ...

Братья любимые! сестры мнѣ милыя!
Мнѣ-ли исполнить вашъ зовъ?
Слово безсильное, слово постылое
Не разрываетъ оковъ.
Нѣтъ, оживятъ васъ не пѣсни печальныя,
—Жалкихъ страдальцевъ удѣлъ—
Грянетъ въ могилы къ вамъ въ стороны дальнія
Громъ довершившихся дѣлъ.

П. Я.

ТЮРЕМНЫЯ ВИДѢНІЯ.

(Посвящается Ольгѣ Любатовичъ). *)

I.

Разъ въ башнѣ тюремной больной я лежалъ,
Тоска мою грудь надрывала,
Въ окошко порывистый вѣтеръ стучалъ
И лампочка слабо мерцала.

*) Любатовичъ приговорена по „процессу 50-ти“ на 10 л. каторги.

Въ коморку сквозь тучи свѣтила луна,
Рѣшетку ея озаряя,
Болѣзненно блѣдно глядѣла она,
Какъ смотритъ дитя умирая.

Той темною ночью все видѣлись мнѣ
Унылыя жизни картины:
Я думалъ о волѣ, родной сторонѣ,
Мнѣ грезились нивы, равнины

И бѣдныя хижины съ бѣдной землей,
Песчаной, сухой и безплодной...
И много картинъ тѣхъ прошло предо мной
Въ тотъ вечеръ сухой и холодный.

II.

Казалось, иду я тернистымъ путемъ
Одинъ по обрыву крутому;
Терновникъ мнѣ въ платье вцѣпился кругомъ,
И трудно идти мнѣ больному.

Вездѣ неприглядною, черною мглой
Степная равнина одѣта.
И мрачно, и душно въ пустынѣ глухой,
И нѣтъ въ ней ни жизни, ни свѣта...

Тамъ только, какъ смутныя тѣни, стоятъ
Какіе-то робкіе люди:
Глаза ихъ потухшіе въ землю глядятъ
И впали изсохшія груди.

Темно, непривѣтно въ глухой сторонѣ,
Молчитъ все въ природѣ глубоко;
И только, я слышу, въ ночной тишинѣ
Ихъ пѣсня звучитъ одиноко:

"Таится болѣзненно въ бѣдномъ умѣ
„Сознанье тяжелой неволи...
„Весь вѣкъ свой мы прожили въ рабствѣ и тьмѣ,
„Не видѣвъ ни счастья, ни воли.

„Подъ вѣчнымъ трудомъ мы клонились безъ силъ,
„Безъ хлѣба и крова мы жили,
„Насъ вѣтеръ зимой въ непогоду знобилъ,
„Оковы и цѣпи давили.

„Мы жили въ безплодныхъ и дикихъ степяхъ,
„Въ безвѣстной глуши умирали,
„И часто въ подземныхъ, сырыхъ рудникахъ
„Напрасно мы смерть призывали.

„Вся жизнь наша долгой отравой была,
„Рядъ бѣдствій, страданій и муки;
„Ничтожныя противъ гнетущаго зла,
„Безъ силъ опускаются руки!"...

И пѣсня, тоски безконечной полна,
Звучитъ и вдали замираетъ...
Но все безучастно... Кругомъ—тишина,
И мракъ свой покровъ не снимаетъ.

Не выглянетъ небо межъ тучъ полосой,
Блеснувши свѣтилъ хороводомъ,
И вѣтеръ не дунетъ живящей струей
Надъ темнымъ, забитымъ народомъ.

III.

Мой путь заростаетъ сильнѣй и сильнѣй...
Туманъ, точно саванъ, ложится...

Усталый, иду я по грудамъ камней,
И умъ мой болитъ и мутится...

Я вижу: Царь-Колоколъ правитъ землей,
Передъ нимъ все живущее гнется...
Онъ громко гудитъ надъ народной толпой,
Тотъ гулъ далеко раздается:

„Проклятый на вѣки Всевышнимъ Отцомъ,
„И сердцемъ, грѣхомъ омраченнымъ,
„Ты долженъ быть бѣднымъ, покорнымъ рабомъ,
„Служить для другихъ осужденнымъ.

„Ты долженъ смириться душой навсегда,
„Обиды сносить молчаливо,
„Страдать подъ ярмомъ вѣкового труда
„И крестъ свой нести терпѣливо.

„Люби свои цѣпи, неволю люби,
„Томись безотрадной заботой,
„Смиряй свою душу и тѣло губи,
„И вѣчно работай, работай!

„Гони наслажденья, трудись въ тишинѣ,—
„Ты темнымъ родился и грѣшнымъ!—
„Иль будешь ты проклятъ и въ адскомъ огнѣ
„Погибнешь во мракѣ кромѣшномъ!“

И тучею черной на гулъ тотъ идутъ
Попы и монахи тупые,
Высоко хоругви и чаши несутъ
Служители мрака слѣпые.

И тихо проходятъ они по лугамъ,
По нивамъ, полямъ съ образами,

По хижинамъ бѣднымъ, большимъ городамъ,
По дальнимъ деревнямъ—съ крестами;

И гдѣ ни пройдутъ,—всюду мракъ надъ страной
Ложится, какъ саванъ суровый,
И давитъ онъ мысль человѣка собой,
Какъ крышкою гроба свинцовой...

IV.

Все камни, овраги... Какъ дологъ мой путь!
Все дальше и дальше онъ вьется...
И негдѣ пристать, и нельзя отдохнуть...
Чу!... Грохотъ навстрѣчу несется...

Я вижу: Царь-Пушка во мракѣ густомъ
Грохочетъ, губя что ни встрѣтитъ,
И свѣтомъ багровымъ на небѣ ночномъ
Кровавое зарево свѣтитъ.

Надъ лужами крови, надъ мерзлой землей,
Надъ грудами ядеръ разбитыхъ
Толпится народъ и съ томящей мольбой,
Упавъ надъ тѣлами убитыхъ,

Онъ проситъ пощады за то, что искалъ
Отъ грозной неправды спасенья,
И, сбросивъ оковы, на троны возсталъ,
Свергая ярмо угнетенья.

Но пушка грохочетъ: „Клонись предо мной,
„Ты, подлое, рабское племя!
„Пока существуетъ земля подъ тобой
„И въ вѣчность бѣгущее время

„Еще не угасло,—нигдѣ не найдешь
„Свободы и правды на свѣтѣ!
„Рабомъ родилось ты, рабомъ и умрешь,
„И будутъ рабы твои дѣти!..“

Напрасны мольбы передъ силою злой...
И клонятся темные люди
Надъ мокрой отъ крови погибшихъ землей,
Предъ силой ревущихъ орудій.

И вижу я, въ стройныхъ колоннахъ идутъ
Служители грознаго бога;
Оковы и плахи съ собою несутъ:
Имъ всюду открыта дорога...

И блескомъ холоднымъ, щетинясь, блестятъ
Штыки ихъ, средь дыма сверкая,
И мѣдныя каски во мракѣ горятъ,
Пожаръ и огонь отражая,

И ѣдутъ толпами народа бичи:
И грубый жандармъ, и сенаторъ,
И судьи - несчастной страны палачи—
И съ ними палачъ императоръ.

То старое рабство привычной стезей
Идетъ, все губя и терзая.
И зарево ярче горитъ надъ страной,
Мученья людей освѣщая...

V.

Мой путь пропадаетъ... Труднѣй и труднѣй
Идти по пустынѣ холмистой...

Какъ жарко средь этихъ песковъ и полей,
На этой дорогѣ тернистой!

Темно, какъ въ гробу, на землѣ, въ небесахъ...
Природа какъ будто застыла...
На западѣ дальнемъ, крутясь въ облакахъ,
Свистя, непогода завыла...

И вздрогнулъ весь міръ отъ конца до конца,
Какъ саваномъ, тучей покрылся,
И образъ Царя-Золотого Тельца
Во мракѣ и дымѣ явился.

Все стихло. Лишь вороновъ стая снуетъ,
На встрѣчу тирану слетаясь,
Да полчище слугъ на колѣни встаетъ,
Предъ новымъ царемъ преклоняясь...

И слышится голосъ: „Незыблемъ законъ
„Господства богатства и силы,
„Страдать терпѣливо ты имъ осужденъ,
„Трудиться весь вѣкъ до могилы;

„Напрасны о равенствѣ, братствѣ слова,
„Гдѣ слабаго сильный терзаетъ;
„Успѣхъ или гибель! Вотъ гласъ божества,
„Что міромъ вѣка управляетъ."

И вижу я, движутся массой густой,
Какъ стаи голодныхъ вампировъ,
И золота слитки проносятъ съ собой
Толпы фабрикантовъ, банкировъ...

Фабричныя трубы весь воздухъ коптятъ,
Поднявшись средь каменныхъ сводовъ;

Какъ мрачныя тѣни въ долинахъ стоятъ
Высокія группы заводовъ.

Тамъ злятся машины, гремятъ и ревутъ,
Шипятъ, точно змѣи, пасосы,
И тѣло, и кости рабочаго рвутъ,
Мелькая, какъ въ вихрѣ, колеса...

И алчное войско все больше растетъ,
Всю землю собой наполняетъ,
И копотью, гарью кругомъ отдаетъ,
И все передъ нимъ погибаетъ...

VI.

Мой путь прекратился въ туманѣ и мглѣ,
Все скрылось подъ ночью глубокой...
Теперь я стою на высокой скалѣ
Безъ силъ, весь въ крови, одинокій...

Отсюда я вижу средь тьмы облаковъ,
Что скрыто отъ взоровъ другого,
Я вижу теченіе могучихъ вѣковъ
И долю народа родного.

Мертва и спокойна лежитъ предо мной
Страна вѣкового застоя:
Орелъ безобразный, съ двойной головой,
Паритъ средь ночного покоя;

Тамъ трупы погибшихъ повсюду лежатъ
И хищныя птицы летаютъ,
И высятся тюрьмы, и цѣпи звонятъ,
И стоны рабовъ не смолкаютъ...

Въ ней зданіе рабства на грудахъ костей
Стоитъ высоко и громадно,
И трое безумныхъ. жестокихъ царей
Терзаютъ народъ безпощадно.

Но вотъ въ этой тьмѣ гробовой разлились
Какая-то жизнь и волненье,
Неясныя тѣни въ дали поднялись,
И слышу я гимнъ пробужденья:

„О, родина! Долго ль ты будешь страдать
„Подъ бременемъ горькой невзгоды?
„И долго-ль позорно ты будешь молчать
„На голосъ призывный свободы?

„Встань, бѣдный народъ! подымитесь, рабы,
„И въ битву идите скорѣе!
„Довольно вы гнулись подъ игомъ судьбы!
„Разбейте оковы! смѣлѣе!“

И гордый призывъ по странѣ прозвучалъ,
Народы на троны возстали,
Земля содрогнулась, весь міръ застоналъ,
И въ страхѣ цари задрожали...

Съ пронзительнымъ крикомъ свалился орелъ,
Все въ страшный хаосъ обратилось,
И зданіе рабства—тирановъ престолъ,—
Сломившись, треща, повалилось,

И много людей подъ собой въ глубинѣ,
Въ паденьи оно раздавило.
И чудо свершилось: пропала въ странѣ
Неволи губящая сила!..

Разсѣялись тучи съ туманомъ густымъ,
Свалились оковы съ народа,
И вся ожила, подъ лучемъ золотымъ
Весенняго солнца, природа...

Но тутъ я проснулся... Въ коморкѣ глухой
Все было темно, безучастно...
И мѣсяцъ сіялъ надъ моею тюрьмой
Такъ блѣдно, бездушно, безстрастно...

П. Морозовъ.

ГРЕЗЫ НЕВОЛИ.

Драматическая картинка.

Внутренность большой камеры въ Шлиссельбургской крѣпости. Темно, на рѣшеткѣ окна играютъ лунные лучи.

Заключенный, закованный по рукамъ и ногамъ, подымается надъ изголовьемъ, съ нѣмымъ удивленіемъ оглядывается и потомъ, тяжело опустивъ голову, закрываетъ лицо руками.

Такъ это былъ лишь сонъ... одинъ лишь сонъ...
Но какъ онъ ярокъ былъ—и чудо какъ хорошъ!

Мнѣ снилось: я въ глубокой думѣ сквозь стекла тусклаго окна слѣдилъ за медленнымъ теченьемъ дивныхъ, ясныхъ звѣздъ въ волнахъ сѣдыхъ нѣмой полночи, и имъ вопросъ я жгучій страстно задавалъ.

Я спрашивалъ, что сталось съ родиной моей?...
Но прежнему-ль надъ ней, сверкая, витаетъ грозной тучей сонмъ святыхъ идей?
Но прежнему-ль поетъ онъ правды мощный гимнъ
И пѣснь божественной свободы?...
Иль можетъ быть—родимый край уснулъ

Глубокимъ сномъ, и ночи мракъ надъ нимъ виситъ?
И только лишь однѣ могилы,
Могилы тѣхъ, кто кровь свою безстрашно проливалъ
За людъ, страдающій въ цѣпяхъ бѣды слѣпой,
Однѣ лишь говорятъ о правдѣ...
И думалъ я: о, если такъ—возстаньте вы,
Истлѣвшіе въ землѣ герои!... Страшною толпой,
Сверкая мертвыми очами,
Гремя костьми, надъ русской сонною землей
Идите вы, ее будите, пойте пѣснь
Кровавой мести и проклятья!...
. . . . . .
... Такъ бредилъ я—и вдругъ въ тиши ночной
Мнѣ смутный, ровный шумъ почудился вдали:
Какъ будто море прошумѣло...
Шелъ ко мнѣ и росъ тотъ страшный шумъ,
Какъ будто тамъ, во мглѣ девятый валъ вставалъ,
Терзаясь дико межъ утесовъ,
Могучій свой напѣвъ, запѣнясь, шумно начиналъ...
... И вдругъ угрюмый, грозный ропотъ пушки часовой
Меня смутилъ: на мигъ я потерялъ разсудокъ,
Я понялъ все... то шла свобода!
Я слышалъ стоны, вопли, выстрѣлы и крикъ:
„Да здравствуетъ свобода и народъ! впередъ!
„Долой царя и смерть тирану!...
„Да здравствуетъ свободная Россія!“... мигъ—
Я дико цѣпи въ клочья разорвалъ и сталъ
Зубами грызть окна рѣшетку,
Спѣша съ народомъ сладость битвы раздѣлить
Во имя правъ святыхъ... и, можетъ быть, меня
Она сдержала бъ не надолго;
Но, какъ потокъ, что съ горъ отъ вѣянья весны
Гремя все рветъ, спадая въ пропасть съ высоты,
Народъ толпою разъяренной
Ворвался къ намъ въ пріютъ могильныхъ грезъ,
Внося съ собой и жизни смѣхъ и смерти страхъ...
... Открылись двери клѣтокъ нашихъ!...

. . . . . .

Счастливый мигъ, блаженства полный, свѣтлый мигъ!
Какъ братьевъ встрѣтилъ всѣхъ насъ, узниковъ, народъ,
Въ священномъ тихомъ умиленьи
Онъ наши цѣпи лобызалъ; потокомъ слезъ
И радостью были смыты съ души тяжелый слѣдъ
Тюремныхъ дней, ночныхъ видѣній...
Потомъ не помню я: мелькнуло все, какъ тѣнь,
Я видѣлъ тронъ поверженный, пожаръ дворцовъ...
Я слышалъ шумъ побѣдной пѣсни...
„Ликуй народъ! Свободы Богъ
Тебя хранитъ отнынѣ.
Разрушенъ тронъ, лежитъ у ногъ
Разгнѣванной святыни;
Погибъ тиранъ, его чертогъ
Имѣетъ видъ пустыни.
Ликуй народъ! Свободы Богъ,
Какъ блага прочнаго залогъ,
Тебѣ вручаетъ слово,
И пусть оно впередъ оковъ
Не знаетъ и сурово
Бичуетъ всѣхъ твоихъ враговъ
Мечемъ добра святого..."
И это все лишь только сонъ...

(Задумывается).

Изъ за дверей доносится мѣрный шагъ часового и бряцанье шпоръ.

УЗНИКУ.

(Михайлову).

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,

Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ,
Вѣрь, плодъ взойдетъ и наше племя
Отмститъ сторицею врагамъ.

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

НОВОСЕЛЬЕ.

(Посвящается новичкамъ Петропавловской крѣпости).

Эхъ! и плохія пришли времена!
Въ крѣпость попалъ ты, мой милый!
Мертвая всюду царитъ тишина,
Изрѣдка звонъ лишь унылый.
Ну, да вѣдь ночь, а какъ утро придетъ,—

Все жъ веселѣе, братъ, станетъ.
Завтра увидишь ты здѣшній народъ;
Новая жизнь настанетъ.
Завтра начнешь ты подслушивать шумъ,
Звуки разгадывать будешь.
Только поменьше мучительныхъ думъ:
Скоро здоровье погубишь.
Лучше спокойно и кротко сноси
Долю свою роковую.
Много сыновъ здѣсь родимой Руси
Сносятъ тоску гробовую,
Многіе годы сидятъ здѣсь и ждутъ
Долгіе, долгіе годы!
Что-то они имъ въ концѣ принесутъ,
Можетъ, лишь Шлюсселькы своды?
Спи же, родимый, спокойно усни!
Завтра дадутъ тебѣ книгу,
Съ ней скоротаешь тюремные дни.
Братскую свяжешь съ ней лигу.
Въ ней ты найдешь—и не разъ и не два—
Вѣры своей подтвержденье.
Въ ней ты увидишь, какъ часто злоба
Честныхъ гнела въ заключеньи.
Скажетъ она: нѣтъ вѣрнѣе пути,
Кромѣ борьбы той кровавой,
Что завязалась давно на Руси
Съ этой безшумной оравой
Низкихъ холоповъ чурбана-царя,
Губящихъ правду, свободу,
Разумъ, науку, ведущихъ шутя
Сотни людей къ эшафоту.
Скажетъ она, что настанетъ пора—
Насъ, можетъ быть, ужъ не будетъ—
Сброситъ народъ нашъ съ престола царя,
Землю и волю добудетъ.
Спи же пока, братъ, спокойно усни!

Будь до конца дѣлу вѣренъ,
И на вопросы жандармамъ скажи,
Что отвѣчать не намѣренъ.

О.

Петропавловская крѣпость.

НА СМЕРТЬ С. С. КОСТРОМИНА *).

Ночью товарищъ погибъ:
Жить ему стало не въ мочь.
Трупъ его свѣжій зарытъ
Въ ту же зловѣщую ночь.

Умеръ живой человѣкъ—
Нечего плакать о немъ;
Мало ли близкихъ людей
Гибнетъ и ночью, и днемъ!

Съ другомъ надежнымъ сойдись,
Острый клинокъ отточи:
Надо не плакать, а мстить,
Мстить за погибшихъ въ ночи.

---

*) Зарѣзался въ 1898 г. въ Домѣ Предв. Заключ.

ПАМЯТИ С. С. КОСТРОМИНА.

Я пѣть не могу о свободѣ, о счастьѣ
Въ несчастной странѣ молчаливыхъ рабовъ
Подъ звуки дождя, подъ рыданья ненастья,
Подъ звонъ и бряцанье желѣзныхъ оковъ...
Я пѣть не могу о весеннемъ привѣтѣ
Въ печальную пору осенниихъ дождей,
Мечтать постоянно о пышномъ разсвѣтѣ
Въ сырой темнотѣ непроглядныхъ ночей...
Запѣть бы гремящую пѣснь о насильи,
О подлости новой тирана—царя,
Заставить забыть о позорномъ безсильи,
Заставить проснуться, чтобъ, мщеньемъ горя,
Народъ весь со знаменемъ правды и славы
Возсталъ за права, за свободу и свѣтъ
И понялъ, что въ мірѣ могучѣе нѣтъ
Союза, чѣмъ сила и право...
Запѣть бы!...

И скоро—растутъ наши силы,
Встаетъ, просыпается мощный народъ...
Насъ шлютъ на работу святыя могилы
И утреннѣй зорьки сіянье зоветъ!...

В. А—ій.

НОВАЯ ТЮРЬМА.

(Изъ „Впередъ“).

Прохожій.

Строится, вижу, здѣсь что-то такое;
Зданіе, кажется, будетъ большое...
Что ты здѣсь строишь? Казармы? Дворецъ?
Знать любопытно: скажи, молодецъ!..

Каменьщикъ.

Правда, работы здѣсь будетъ не мало.
Трудное время, братъ, нынче настало.
Слышь, заропталъ нашъ рабочій народъ:
Полно работать ему на господъ!
Видно, не стало ужъ дольше терпѣнья
Молча сносить всѣ неправды, мученья,
Вѣчно трудиться для праздныхъ гулякъ...
Думу задумалъ крестьянинъ—вахлакъ.
Хочетъ онъ самъ добывать свою долю;
Ходятъ все слухи про новую волю...
Вотъ и пошелъ, что-ль, указъ отъ властей
Страху нагнать на строптивыхъ людей.
Всѣхъ, кто стоитъ за народъ нашъ голодный.
Жалуетъ царь нашъ тюрьмой новомодной!
Каторги мало, знать, стало ему:
Выдумалъ новую, злую тюрьму.
Важная штука—могилушка эта.
Въ ней не увидишь и божьяго свѣта;
Стоны, рыданья лишь гуломъ пройдутъ;
Заживо мертвымъ тебя погребутъ...
Такъ-то, землякъ: не дворецъ, не палаты,—
Строимъ живому мы гробъ здѣсь проклятый,
Каменный гробъ для свободы людей,

Каменный гробъ для народныхъ друзей.
А велика: знать, не мало народу
Стало теперь за святую свободу...
Былъ здѣсь самъ царь и молебенъ служилъ,
Самъ первый камень тюрьмы заложилъ.
Богу потомъ на колѣнкахъ молился.
Я поглядѣлъ... и душою смутился...
Вишь, кровопійцы: людей-то морятъ,
Сами о Богѣ, любви говорятъ...
А какъ подумаешь, мы то что сами!
Строимъ мы тюрьмы своими руками,
Строимъ тюрьму для себя для самихъ,
Да для народныхъ друзей дорогихъ...
Горькая дума! болитъ ретивое!
Время-то тяжкое вышло такое...
Эхъ, братъ, запѣла злодѣйка нужда!..

Прохожій.

Полно тужить, молодецъ: не бѣда!
Видимо стало: не долго намъ маяться!
Скоро придется всѣмъ хищникамъ каяться,
Скоро здѣсь буря вездѣ зареветъ,
Скоро возстанетъ рабочій народъ.
Дрогнутъ враги его, страхомъ объятые;
Рухнутъ предъ нимъ эти зданья проклятыя:
Тюрьмы, казармы, суды и дворцы...
Съ гордыхъ царей онъ сорветъ ихъ вѣнцы...
Брось же, товарищъ, печаль и заботу:
Скоро намъ будетъ иная работа...

Каменьщикъ.

Слово ты, братъ, не пустое сказалъ;
Я ужъ давненько его поджидалъ!
Больно ужъ много народу страданья;

Все не приходитъ нашъ часъ воздаянья!
Пусть онъ ударитъ, мы вмѣстѣ пойдемъ
Правду святую добыть топоромъ!

2-ое (14) ИЮЛЯ 1889 Г.

Пойте, товарищи! Пѣсней веселой,
Можетъ быть, думы отгоните прочь!
Только зачѣмъ въ эту пѣснь тоскливая
Нотка, закравшись, напомнила ночь,

Степи безлюдныя, цѣпи желѣзныя,
Дальняго сѣвера лютый морозъ
И молодыя надежды разбитыя,
И неоглядное кладбище грезъ!..

Пойте, товарищи, пѣсни веселыя!
Ровно сто лѣтъ, какъ Бастилья взята;
Нынче пируетъ весь міръ образованный
Память побѣды свободы, труда!..

Что жъ вы задумались? Развѣ не радостно
Вспомнить о дальней побѣдѣ своей?
Только зачѣмъ тутъ рѣшетки желѣзныя?
Только зачѣмъ эти звуки цѣпей?...

Полно-те братцы! что́ цѣпи желѣзныя!
Тѣломъ мы скованы,—духомъ вольны!
Если гнететъ насъ дѣйствительность горькая,
Вспомнимъ прошедшіе годы и дни!

Пойте, товарищи, пѣсни веселыя!
Мрачныя думы гоните скорѣй!

В. Н. Гейманъ.

2 Іюля 1889 г.
Якутскій Тюремный Замокъ.

ПѢСНЯ ЮНОСТИ *).

Весело! Шумно! Здѣсь, жизнь молодая,
Ты свой чертогъ создаешь.
Горе, нужду и труды забывая,
Пляшетъ, поетъ молодежь.
Хохотъ и шутки. Стаканы сверкаютъ
Краснымъ, дешевымъ виномъ.
Это изгнанники праздникъ встрѣчаютъ...
Юности пѣсню споемъ!

„Голодъ и холодъ, и муки изгнанья,
„Долгіе годы тюрьмы,
„Трудъ непрестанный и горе скитанья—
„Все это вынесли мы.
„Все это завтра и снова, и снова,
„Молча спокойно снесемъ.
„Что намъ сегодня до завтра лихова!
„Юности пѣсню споемъ!

„Полночь! Годъ Новый! Его на чужбинѣ
„Встрѣтимъ мы крикомъ: ура!
„Знаемъ: онъ дастъ намъ все то же, что нынѣ;
„Не принесетъ онъ добра.
„Будемъ работать за грошъ, за копѣйку,
„Мыкаться ночью и днемъ.
„Ну ее къ черту заботу-злодѣйку!
„Юности пѣсню споемъ!

„Тише! За братьевъ далекихъ, любимыхъ,
„Молча поднимемъ стаканъ.

*) Написано по поводу встрѣчи Новаго Года русскими политическими эмигрантами въ Парижѣ.

„Тамъ они бьются, тамъ мучитъ родимыхъ,
„Тянетъ ихъ жилы тиранъ,
„Всѣ мы готовимся къ грозному бою;
„Всѣ мы оружье куемъ.
„Будь то, что будетъ! Предъ мрачной судьбою
„Юности пѣсню споемъ!

„Встрѣтимъ мы весело, встрѣтимъ мы смѣло
„Новый родившійся годъ.
„Будемъ мы биться за братское дѣло,
„Биться за бѣдный народъ.
„Рухните старые, злые кумиры!
„Радостно мы развернемъ
„Красное знамя, стягъ юнаго міра!
„Юности пѣсню споемъ!“

Л.

Парижъ, 1 января 1880 г.

КУЗНЕЦЫ.

Мѣхъ гудитъ и дышетъ шумно,
Близъ горна кромѣшный адъ,
Въ пляскѣ бѣшеной—безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы,
Спѣетъ варъ,—и блескъ, и шумъ...
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинъ! бумъ!

Вотъ кузнецъ. Онъ весь—забота,
Черенъ, страшенъ, будто гномъ:
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.

Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую—
Соху онъ куетъ: дзинъ! бумъ!

Крѣпче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, съ глазъ!
Грезы жизни приходите,
Но блесни и свѣтлый часъ!
Чу! какъ будто ада звуки...
Грохотъ, пламя, лязгъ и шумъ...
А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинъ! бумъ!

Такъ и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро въ дни невзгоды
У горна борьбы святой!
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю-долю... Дзинъ-дзинъ! бумъ!

П. Я.

ЗАВѢЩАНІЕ.

(Памяти П. Л. Лаврова).

О дочь моя, не плачь, и вы, мои друзья,
Нѣмую скорбь свою умѣрьте!
Пусть ночь спускается, я не боюсь ея,
Я не боюсь холодной смерти!..

Вы долго были мнѣ товарищи, семья,
И мнѣ разстаться съ вами больно.
Но умереть легко. Итогъ подведенъ мой.
Здѣсь на землѣ я жилъ довольно.

Ужъ голова моя давно бѣла, какъ снѣгъ,
И руки немощно повисли.
Но вѣрить я умѣлъ... Мой долголѣтній вѣкъ
Былъ вѣкъ труда, борьбы и мысли.

Когда родился я, рабыни громкій плачъ
Надъ всей страной звенѣлъ, какъ тризна,
И въ тактъ свистала плеть и ликовалъ палачъ..
И та страна была моя отчизна.

Но не былъ я рабомъ. Минуло тридцать лѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ я впервые
На крылья вѣщихъ бурь, пророчившихъ разсвѣтъ,
Мои слова крылатыя живыя.

Они помчались вдаль, колеблясь и звеня,
Какъ рой шумливый и поспѣшный,
И легъ за ними слѣдъ багроваго огня
На небесахъ во тмѣ кромѣшной.

И пало сѣмя ихъ и выросло вездѣ:
Сквозь камни мостовой изъ каждой щели узкой,
На дѣвственномъ лугу и въ сѣрой бороздѣ
Неурожайной нивы русской:

И выросли вездѣ геройскія сердца,
Великой полныя любовью,
Готовыя идти на подвигъ до конца
И на алтарь излиться кровью.

И выросли вездѣ въ родномъ моемъ краю,

Какъ изъ стальныхъ зубовъ дракона,
Младые воины, готовые въ бою
Иль побѣдить, иль пасть безъ стона.

Отвага ихъ кипитъ и множится число
И покрываетъ всѣ потери.
Безумному врагу на горе и на зло
Готова жизнь открыть имъ двери.

Дрожитъ Невѣжества чугунный пьедесталъ,
И старый Идолъ, богъ порока,
Шатается и ждетъ, чтобъ день суда насталъ
И этотъ день ужъ недалёко....

Прощайте, я усталъ. Разстаться намъ пора.
Въ глазахъ туманъ, дышать мнѣ трудно...
Ужъ я не доживу до новаго утра,
Засну навѣки непробудно.

Пускай, не страшно мнѣ!.. Я вижу впереди
Начало лучшаго восхода...
Ему служилъ и я. Нѣмая смерть, иди!..
Да здравствуетъ любовь, да здравствуетъ свобода

II. Революціонныя пѣсни.

РАБОЧАЯ МАРСЕЛЬЕЗА.

(Изъ „Впередъ“).

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ.
Мы пойдемъ въ ряды страждущихъ братій,
Мы къ голодному люду пойдемъ;
Съ нимъ пошлемъ мы злодѣямъ проклятья,
На борьбу мы его позовемъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищаютъ тяжелый твой трудъ.
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры;
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ.
Голодай, чтобъ они пировали!
Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они совѣсть и честь продавали,
Чтобъ ругались они надъ тобой!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!

Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

Тебѣ отдыхъ— одна лишь могила!
Каждый день—недоимку готовь;
Царь-вампиръ изъ тебя тянетъ жилы;
Царь-вампиръ пьетъ народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

Не довольно-ли вѣчнаго горя?
Встанемъ, братья, повсюду заразъ!
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,
И Поволжье, и дальній Кавказъ!
На воровъ, на собакъ—на богатыхъ!
Да на злого вампира-царя.
Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!
Засвѣтись, лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

* * *

Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами,
Грозитесь свирѣпо тюрьмой, кандалами.
Мы—вольны душою, хоть тѣломъ попраны,—
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!

Пусть слабые духомъ трепещутъ предъ вами,
Торгуютъ безстыдно святыми правами:
Тѣлесной неволи не страшны намъ раны,—
Позоръ, позоръ, позоръ вамъ, тираны!

За тяжкимъ трудомъ, въ долѣ вѣчнаго рабства,
Народъ угнетенный копитъ вамъ богатства;
Но рабство и муки не сломятъ титана—
На страхъ, на страхъ, на страхъ вамъ, тираны!

Въ рудникахъ подъ землею, за станкомъ и на полѣ,
Вездѣ раздаются ужъ пѣсни о волѣ,
И звуки тѣхъ пѣсенъ доходятъ до троновъ—
На страхъ, на страхъ, на страхъ всѣмъ тиранамъ!

Сверкайте штыками, грозите войсками,—
Спасти васъ не могутъ казармы съ тюрьмами,
Вашъ собственный страхъ не сковать вамъ цѣпями!
И стыдъ, и страхъ, и месть вамъ, тираны!

ВАРШАВЯНКА.

(Польская революціонная пѣснь).

Вихри враждебные воютъ надъ нами,
Темныя силы насъ злобно гнетутъ,

Въ бой роковой мы вступили съ врагами,
Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ.
Но мы поднимемъ гордо и смѣло
Зная борьбы за рабочее дѣло,
Знамя великой борьбы всѣхъ народовъ
За лучшій міръ, за святую свободу.
На бой кровавый,
Святой и правый,
Маршъ, маршъ впередъ.
Рабочій народъ! (2 раза).

* * *

Мретъ въ наши дни съ голодухи рабочій,
Станемъ-ли дольше мы, братья, молчать?
Нашихъ сподвижниковъ юныя очи
Можетъ-ли видъ жандарма пугать?
Въ битвѣ великой не сгинутъ безслѣдно
Павшіе съ честью во имя идей,
Ихъ имена съ нашей пѣснью побѣдной
Станутъ священны милліонамъ людей.
На бой кровавый и т. д. (2 раза).

* * *

Намъ ненавистны тирановъ короны,
Цѣпи народа-страдальца мы чтимъ.
Кровью народной залитые троны
Мы кровью нашихъ враговъ обагримъ.
Месть безпощадная всѣмъ супостатамъ,
Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ,
Мщеніе и смерть всѣмъ царямъ-плутократамъ,
Близокъ побѣды торжественный часъ.
На бой кровавый и т. д. (2 раза).

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

(Польская рабочая пѣснь: „Czerwony Sztandar“).

Слезами залитъ міръ безбрежный,
Вся наша жизнь тяжелый трудъ.
Но день настанетъ неизбѣжный
Неумолимо грозный судъ!

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! Мчись кругомъ!
Надъ міромъ наше знамя вѣетъ
И несетъ кличъ борьбы, мести громъ,
Сѣмя грядущаго сѣетъ.
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ,
То кровь работниковъ на немъ!

Пусть слуги тьмы хотятъ насильно
Связать разорванную сѣть,
Слѣпое зло падетъ безсильно,
Добро не можетъ умереть!

Припѣвъ:

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Бездушный гнетъ, тупой, холодный,
Готовъ погибнуть, наконецъ.
Намъ будетъ счастьемъ трудъ свободный
И братство дастъ ему вѣнецъ.

Припѣвъ:

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Скорѣй, друзья! Идемъ всѣ вмѣстѣ,
Рука съ рукой и мысль одна!
Кто скажетъ бурѣ: стой на мѣстѣ?
Чья власть на свѣтѣ такъ сильна?

Припѣвъ:

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

Долой тирановъ! прочь оковы,
Не нужно старыхъ, рабскихъ путъ!
Мы путь землѣ укажемъ новый,
Владыкой міра будетъ трудъ!

Припѣвъ:

Лейся вдаль, нашъ напѣвъ! и т. д.

МАРСЕЛЬЕЗА.

Впередъ, сыны страны родной
Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
Въ нашъ вольный край вступили! (2 раза).
Вамъ слышны ли у очаговъ
Солдатъ свирѣпыхъ клики?
Друзья, тамъ вашихъ бьютъ сыновъ,
Подругъ тамъ вашихъ крики!

Къ оружію, народъ!
Сомкни свои ряды!
Впередъ! впередъ!
Пусть кровь враговъ замоетъ ихъ слѣды!

* * *

Что́ хочетъ здѣсь орда рабовъ
Съ злодѣями—вождями?
Кому желѣзо сихъ оковъ
Куется ихъ царями? (2 раза).
Друзья, то намъ!.. Какое звѣрство!...
И какъ тутъ злобой не пылать,
Когда намъ рабство, изувѣрство,
Хотятъ штыками навязать.

Къ оружію, народъ! и т. д.

* * *

Какъ! Чужеземныя толпы
Намъ предписать законъ посмѣютъ?
Какъ! Ихъ наемныя орды
Сыновъ отчизны одолѣютъ? (2 раза).
Великій Богъ!.. Скуютъ намъ длани
И подъ ярмо поставятъ вновь,
Чтобы зачинщикъ этой брани
Могъ вновь сосать народа кровь!?

Къ оружію, народъ! и т. д.

* * *

Дрожи, тиранъ! Дрожите вы,
Крамольники въ изгнаньи, *)
Измѣнники родной страны,
Вамъ будетъ воздаянье! (2 раза).
Здѣсь всякъ—солдатъ, чтобы васъ бить,
И пусть падутъ герои:
Земля родитъ иныхъ чтобъ мстить
Въ ожесточенномъ боѣ!

*) Бѣжавшіе изъ революціонной Франціи принцы и дворяне, которые призвали иностранныхъ королей на помощь противъ побѣдоноснаго возстанія французскаго народа.

Къ оружію, народъ! и т. д.

* * *

Веди-жъ побѣднымъ насъ путемъ,
Любовь къ странѣ святая!
Будь лозунгомъ своимъ борцамъ,
Ты, вольность дорогая! (2 раза).
И пусть, съ побѣдой, прошумитъ
Гражданственность намъ: „слава!“
Да вся вселенная узритъ,
Что мы стоимъ за право!
Къ оружію, народъ! и т. д.

М. В.

1876 г.

ДУБИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Про радость и горе въ нихъ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ,
Это пѣсня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ. (2 раза).
Подернемъ! (2 р.) Ухъ!

И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ
Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,
И лишь только какъ станетъ работать не вмочь,
Мы къ дубинушкѣ, какъ къ вѣрному средству.

Ой, дубинушка... и т. д.

Говорятъ, что мужикъ нашъ работать лѣнивъ,
Пока не взбороздятъ ему спину,
Ну, такъ какъ же забыть нашъ родимый мотивъ
И не пѣть про родную дубину?

Ой, дубинушка... и т. д.

Англичанинъ-хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не вмочь,
Такъ затянетъ родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,
Иль въ Сибири руду добываемъ,
Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ,
Про дубину въ ней все вспоминаемъ.

Ой, дубинушка... и т. д.

И на Волгѣ рѣкѣ, утопая въ пескѣ,
Мы л маемъ и ноги и спину,
Надрываемъ тамъ грудь и, чтобъ легче тянуть,
Мы поемъ про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Пускай мучатъ и бьютъ, пускай въ цѣпи куютъ,
Пусть терзаютъ избитую спину,
Будемъ ждать и терпѣть и въ нуждѣ будемъ пѣть
Все про ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Мы пируемъ при блескѣ огней на балахъ,
И шутя мы поемъ про дубину,
А забыли о тѣхъ, кто сидитъ въ кандалахъ
Все за ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но вѣдь время придетъ, и проснется народъ:
Развернетъ онъ избитую спину
И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
Здоровѣе и крѣпче дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

---

* * *

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою!

Если жъ погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ!

Пусть насъ по тюрьмамъ сажаютъ,
Пусть насъ пытаютъ огнемъ,
Пусть въ рудники насъ ссылаютъ,
Пусть мы всѣ казни пройдемъ!

Если погибнуть придется и т. д.

Стонетъ и тяжко вздыхаетъ
Бѣдный нашъ русскій народъ,
Руки онъ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ!

Если погибнуть придется и т. д.

Мигъ обновленья настанетъ,
Гимнъ намъ народъ пропоетъ,
Добрымъ насъ словомъ помянетъ,
Къ намъ на могилу придетъ.

Что жъ, пусть погибнуть придется
Въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ,—
Дѣло всегда отзовется
На поколѣньяхъ живыхъ!

---

* * *

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

Порой изнывали по тюрьмамъ сырымъ;
Свой судъ безпощадный надъ вами
Враги-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
Тревогу виномъ заливая,
Но грозныя буквы давно на стѣнѣ

Чертитъ ужъ рука роковая!

Настанетъ пора, и проснется народъ,
Великій, могучій, свободный!
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Вашъ доблестный путь, благородный!

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ

Замученному въ острогѣ Чернышеву, борцу за народное дѣл
(Изъ „Впередъ“!).

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ...
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ...

Служилъ ты не долго,—но честно
Для блага родимой земли...
И мы,—твои братья по дѣлу,—
Тебя на кладбище снесли...

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
Кругомъ тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои...

Не горе намъ душу давило,—
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ;—

Нѣтъ, злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались

И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись...

Съ тобою одна намъ дорога:—
Какъ ты, мы въ острогахъ сгніемъ...
Какъ ты,—для народнаго дѣла
Мы головы наши снесемъ;

Какъ ты,—мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ,
Грядущихъ и доблестныхъ дней...

Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый
И будетъ онъ насъ посильнѣй.

КЪ СУДЬЯМЪ.

(С. И. Бардиной). *)

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, но скорѣй:
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей...

Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Одѣвъ и снявъ „преступно“ башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки.

*) Одна изъ героинь процесса 50-ти.

Застигнута на мѣстѣ преступленья,
Съ „поличнымъ“ я на судъ приведена...
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья!
Вѣдь я кругомъ уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни—я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на рукахъ.

Тяжелою работой я разбита...
Но, знаешь-ли—въ душѣ моей, на днѣ,
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта:
Любовь къ родимой сторонѣ.

Но знай и то, что, какъ я ни преступна,
Ты надо мной безсиленъ, мой судья!..
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна,
И побѣдишь не ты, а я.

„Пожизненно“ меня ты похоронишь...
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ...
И мнѣ грозитъ—самъ видишь ты и знаешь—
Лишь кратковременный арестъ.

А я умру все съ тою же любовью...
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи!...

ПѢСНЯ РУБИЛЬЩИКОВЪ.

Тамъ, гдѣ, холодомъ облиты,
Сопки высятся кругомъ,—
Обезличены, обриты,
Въ кандалахъ и нодъ штыкомъ,
Въ полумракѣ шахты душной,
Не жалѣя силъ и рукъ,
Мы долбимъ гранитъ бездушный
Монотоннымъ тукъ да тукъ!

***

Гдѣ высокіе порывы,
Сны о правдѣ и добрѣ?
Ранній гробъ себѣ нашли вы
Въ темной каторжной норѣ!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано изъ рукъ...
Заглушая сердца раны,
Мы стучимъ лишь тукъ да тукъ!

***

Съ нелюдимаго востока,
Съ плачемъ снѣжныхъ непогодъ,
Этотъ стукъ пройдетъ далеко,
Въ грудь отчизны западетъ!
И на гибнущее дѣло
Вышлетъ сотни свѣжихъ рукъ...
Бейте жъ, братья, бейте смѣло,
Неустанно: тукъ! тукъ! тукъ!

П. Якубовичъ.

ПѢСНЯ ТКАЧА.

Грохотъ машинъ, духота нестерпимая,
Въ воздухѣ клочья хлопка;
Масломъ прогорелымъ воняетъ удушливо—
Да, жизнь ткача не легка!

Нитка порвалась въ основѣ канальская.
Эхъ! Распроклятая снасть!
Сколько грѣха-то ты примешь здѣсь на душу,
Господи, Боже, такъ страсть!

Ахъ, да зачѣмъ же, зачѣмъ же вы льетеся
Горькія слезы изъ глазъ?
Дѣлу помѣха, основу попортите,—
Быть мнѣ въ отвѣтѣ за васъ!

Какъ не завидовать главному мастеру,
Что у окошка стоитъ,
Чай попиваетъ, да гладитъ бородушку?
Видно душа не болитъ!

Ласковъ на взглядъ, а пойди къ нему вечеромъ
Станешь работу сдавать,
Онъ и коритъ, и бранитъ, и ругается,
Все норовитъ браковать.

Все норовитъ, чтобъ поменьше досталося
Нашему брату-ткачу.
Эхъ! Главный мастеръ, хозяинъ, надсмотрщикъ,
Жить вѣдь я тоже хочу...

* * *

Ужъ ты доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ужъ за что жъ ты меня, доля,
До Сибири довела?

—

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой,
Стороны своей лишился
За крестьянскій міръ честной.

—

Годъ въ ту пору былъ голодный,
Стали подати сбирать,
И послѣдніе пожитки,
Всю скотину продавать.

—

Я отъ міра съ челобитной
Къ самому царю пошелъ,
Но схватили на дорогѣ,
До царя я не дошелъ.

—

И по царскому велѣнью
За прошеніе мужиковъ,
Его милости плательщикъ
Сподобился кандаловъ.

—

Далеко село родное,

А хотѣлось бы узнать,
Удалось-ли односельчанъ
Съ шеи подати скачать.

---

* * *

Тяжко, братцы, намъ живется
На Руси святой!
Каждый шагъ намъ достается
Роковой борьбой!

Все, что лживо и фальшиво,
Правитъ всей страной;
Все, что честно и правдиво,
Топчется ногой.

Мы страдали, гибли, пали
За народъ родной!
На эшафотахъ погибали
За идеалъ святой!

Всѣ народы ужъ свободы
Добились давно,
А у насъ однѣ невзгоды,
И темно, темно.

Ну же, братцы, вы беритесь
За дѣла скорѣй,
Отъ оковъ освободитесь,
Отъ своихъ цѣпей!

III. Юмористическія стихотворенія и пѣсни.

КАМАРИНСКАЯ.

(„Рабочая Мысль“, № 8).

Эхъ, и простъ же ты, рабочій человѣкъ!
На богатыхъ ты гнешь спину цѣлый вѣкъ.

У Морозова, у Саввушки заводъ,
Обираютъ тамъ безъ жалости народъ;
Всѣ рабочіе въ убогости,
А на нихъ большія строгости;
Чтобъ не вышло препирательства
За иныя надувательства,
Канцелярія составила
Для рабочихъ пункты-правила:
Положила кары грозныя,
Наказанія серьезныя,
Обираетъ по законному,
Прижимаетъ по ученому.
Эхъ, у Саввушки палатушка ума,
Оттого-то, знать, толста его сума.
Загорѣлся разъ у Саввушки заводъ,
Разбѣгаться сталъ испуганный народъ;
Управляющій огонь тушить велитъ,
А рабочій людъ на улицу валитъ.
Дали Саввѣ знать объ этомъ въ телефонъ;
Какъ ошпаренный примчался мигомъ онъ.
„Что жъ, имущество должно мое сгорѣть?
„Эй, немедленно ворота запереть!“

Не пускать велѣлъ съ завода ни души,
Тамъ ужъ хочешь, иль не хочешь, а туши!
Эхъ, ужъ Саввушка уменъ, уменъ, уменъ,
И начальствомъ онъ за это отличенъ:
Почитается, какъ знатный дворянинъ,
Принимается, какъ важный господинъ.
Савва жирная скотинушка,
Въ три обхвата животинушка;
Онъ живетъ себѣ съ отрадою.
Умывается помадою,
Злой кручинушки не вѣдаетъ,
По три раза въ день обѣдаетъ,
Призапасся гувернантками,
Черномазыми тальянтками,
Разговору непонятнаго,
Обхожденія пріятнаго;
На гроши наши трудовые
Онѣ ходятъ точно павушки,
Удовольствіе для Саввушки...

Собирали какъ-то деньги на соборъ,
На заводѣ велѣлъ Савва сдѣлать сборъ:
„Подавайте съ каждой хари четвертакъ,
„Все равно снесете деньги вы въ кабакъ!“

Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки.
Отъ покорности убогихъ дураковъ
Понастроены всѣ сорокъ сороковъ.
Духовенство умилилося,
Саввѣ низко поклонилося,
А для нашего спасенія
Поучаетъ въ воскресеніе,
Чтобъ безропотно трудилися,
Да молитвою кормилися,
Чтобъ не ѣли въ постъ скоромнаго,
Чтобъ начальству подчинялися

Да иконамъ поклонялися.
За усердіе чудесное
Въ̀демъ въ царствіе небесное!
Эхъ, наставники духовные,
Проповѣдники церковные!
Съ виду божіи угодники,
Втихомолку грѣховодники;
У васъ брюхи слишкомъ пухлыя,
Ваши рѣчи очень тухлыя.
Эй, ребятушки, живѣй, живѣй, живѣй!
Соберемъ колокола со всѣхъ церквей,
Изъ нихъ пушку мы большую отольемъ,
Духовенствомъ эту пушку мы набьемъ,
Знатно выпалимъ попами въ небеса,
Ужъ посыплются къ намъ съ неба чудеса!
Служимъ по́томъ, служимъ кровью
Мы купецкому сословію,
А и царское правительство
Издаетъ законы многіе,
Для рабочихъ очень строгіе,
Да безъ всякаго стѣсненія
Учиняетъ притѣсненія.
На купцахъ стоитъ теперича земля.
Нѣту силы противъ батюшки рубля!
Охъ, ужъ эти-то купцы, купцы, купцы,
Обиратели они и подлецы!
Вы, ребятушки фабричные,
Къ обирательству привычные,
Ужъ найдите вы управушку
На Морозова на Саввушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество,
Подымайся, какъ единый человѣкъ,
Давай клятву, нерушимую во вѣкъ,—
Дружно, крѣпко за товарищей стоять,
Ни на шагъ одинъ назадъ не отступать!

СКАЗКА О ПОПѢ И ЧОРТѢ.

(„Рабочая Мысль“, № 7).

Въ церкви, золотомъ залитой,
Предъ оборванной толпой
Проповѣдывалъ съ амвона
Попъ въ одеждѣ парчевой.

Изнуренныя, худыя
Были лица прихожанъ,
Въ мозоляхъ ихъ были руки...
Попъ былъ гладокъ и румянъ.

„Братье!“—онъ взывалъ къ народу,—
„Вы противитесь властямъ;
„Вѣчно ропщете на бога,
„Что живется плохо вамъ!—

„Это дьяволъ соблазняетъ
„Васъ за грѣшныя дѣла,
„Въ свои сѣти завлекаетъ,
„Чтобъ душа его была.

„Вотъ за то, когда помрете,
„Вамъ воздастся по дѣламъ:
„Въ пламень адскій попадете
„Прямо въ общество къ чертямъ!“

Мимо церкви въ это время
Чортъ случайно проходилъ.
Слышитъ—чорта поминаютъ.
Уши онъ насторожилъ;

Подобрался подъ окошко
И прислушиваться сталъ.
Все, чѣмъ попъ народъ морочитъ,
Чортъ все это услыхалъ.

Повалилъ народъ изъ церкви;
Наконецъ, выходитъ попъ.
Чертъ къ нему... Сверкнулъ глазами
И попа за рясу—цопъ!

„Ну-ка, отче толстопузый,
„Что про насъ ты въ церкви вралъ?—
„Отвѣчай, какія муки
„Бѣднякамъ ты обѣщалъ?...

„Чортомъ вздумалъ ты пугать ихъ,
„Страшнымъ адовымъ огнемъ!..
„Что имъ адъ?.. Они и въ жизни
„Терпятъ тотъ же адъ... Пойдемъ!..“

Попъ бѣжать... Но чортъ за воротъ,
Какъ щенка, его поймалъ
И, поднявъ съ собой на воздухъ,
Въ даль туманную помчалъ.

Онъ принесъ попа къ заводу.
Въ дымныхъ, мрачныхъ мастерскихъ
Печи яркія горѣли;
Адскій жаръ стоялъ отъ нихъ.

Молотъ тысячепудовый
По болванкѣ ударялъ
И фонтаномъ искръ горящихъ
Всѣхъ рабочихъ осыпалъ.

А машины грохотали,

Точно въ небѣ іюльскій громъ;
Стѣны толстыя дрожали,—
Все ходило ходуномъ.

И куда нашъ попъ ни взглянетъ,—
Всюду жаръ, огонь и смрадъ:
Сталь шипитъ, валятся искры,
Духота...—Ужъ чѣмъ не адъ!

У попа дыханье сперло,
Жмется, мнется,—самъ не свой.
Слезно къ чорту онъ взмолился:
„Отпусти меня домой!“

„Что жъ!?.. Такъ скоро надоѣло!?..
„Хочешь скоро такъ назадъ!?..
„Посмотрѣлъ ты очень мало:
„Это вѣдь еще не адъ!“—

Вновь схвативъ попа за воротъ,
Чортъ взвился подъ облака
И въ другую мастерскую
Опустилъ онъ толстяка.

Здѣсь средь мрака и шипѣнья—
Изъ огромнаго котла
Въ приготовленную форму
Лава яркая текла.

Вдругъ большими языками
Лаву стало вверхъ кидать...
Люди въ ужасѣ смертельномъ
Попытались убѣжать.

Но напрасно... Со страшной силой
Клокоталъ чугунъ въ котлѣ;

Обгорѣлые стонали,
Корчась въ мукахъ на землѣ.

Попъ отъ страха замирая,
Полы рясы подобралъ
И быстрѣй косого зайца
Изъ завода тягу далъ.

ПЛЯСОВАЯ.

Полно, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего намъ горя этимъ не избыть.
Проживемъ мы и въ Сибири какъ-нибудь,
Такъ не лучше-ль плясовую затянуть?
Лобъ забрили, заковали въ кандалы,
Въ чужедальнюю сторонку повели,
Да еще конвой намъ дали для пути;
Чтобы, значитъ, попочетнѣе идти.
Ну, такъ что жъ такое, братцы? Наплевать!
Изъ-за малости такой не горевать!
Мы еще себѣ дождемся красныхъ дней,
И себя еще потѣшимъ, и людей!
Полно жъ, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего намъ горя этимъ не избыть.
Проживемъ мы и въ Сибири какъ-нибудь,
Такъ не лучше-ль плясовую затянуть?

Кар....

ДУДА.

Собирайтесь-ка, ребята, поскорѣй,
Грянемъ пѣсню мы крестьянскую дружнѣй!
Полно намъ подъ дудку барскую плясать,
Не пора-ли на своей дудѣ сыграть?!
Сколько времени на нашу бѣду
Господа да кулаки дудятъ въ дуду,
А начальство, знай, подхлестывать кнутомъ,
Чтобъ рѣзвѣй мужикъ выкидывалъ козломъ!
Семенитъ онъ, до истомы семенитъ,
Изъ кармана грошъ послѣдній, знай, летитъ,—
Чиновье да кулаки берутъ гроши:
Очень-де крестьянски деньги хороши!
Тутъ и попъ, гляди, акаеисты поетъ,
А руками тѣ же денежки гребетъ!
Ахъ ты подлый, долгогривый сатана,
Вѣдь и такъ, поди, давно мошна полна!
До какихъ же поръ намъ, братцы, все плясать?!
Нѣтъ, давайте на своей дудѣ играть:
Пусть теперь попляшетъ это воронье,
Растрясетъ маленько черево свое!

ФЕДОРУШКА.

„Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повѣсила?“

— Охъ, отстань, родименькій; отвяжись, невпорушка;
Безъ тебя тошнехонько,

Безъ тебя больнехонько,
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться! —

„Не пригоже, матушка, не идетъ, сударушка;
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная!“

— Охъ была, родименькій, охъ, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Оченно пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою! —

„Знамо дѣло, матушка, вѣдомо, Федорушка;
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди.“

— Было все, родименькій, было все, невпорушка,
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками,
Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми.

„Какъ же, такъ сударыня? какъ же такъ, Федорушка?
Гдѣ твои рублевики,
Звонкіе цѣлковики?“

— Вышли всѣ, родименькій, вышли всѣ, невпорушка,
На бумаги новыя,
Въ кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за границею,
Дома — на полицію. —

„Ты сама бы, матушка, ты бъ сама, Федорушка,

Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!"

— Не молчу, родименькій; не молчу, невпорушка;
Я и обижаюся;
Плюнутъ — утираюся
И прошу прощенія
За свое смиреніе. —

„Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсѣмъ, Федорушка
Надо бы, красавица,
Намъ съ тобой поправиться."

— Поправляюсь, родненькій; дѣйствую, невпорушка
Отдаю юстицію
Подъ надзоръ полиціи;
Обрываю армію,
Завожу жандармію!—

„Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты хоть не опаслива,
Встарь была запаслива."

— Не найти, родименькій, не сыскать, невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола;
Обнищала до гола,
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася!—

„Дѣло дрянь, сударыня; дѣло дрянь, Федорушка.
Что объ насъ повѣдаютъ,
Коль сосѣди свѣдаютъ?"

— Свѣдали, родименькій, свѣдали, невпорушка;
Плачутъ всѣ отъ радости,

Дѣлаютъ мнѣ гадости;
Плюютъ, да ругаются,
Вздуть меня сбираются. —

„На кого же, матушка, на кого жъ, Федорушка,
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?“

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ ура кричала бы!—

А. Толстой.

ЦАРЬ И МУЖИКЪ.

(„Рабочая Мысль“, № 4).

Говорили царю:—„Бѣденъ, теменъ мужикъ.
Повели, государь, просвѣтить мужика!“—
— Не мелите вы чушь,—съ сердцемъ вымолвилъ царь,—
Для чего это мнѣ просвѣщать мужика?
— Для чего и къ чему?—

* * *

— Если подать когда къ сроку онъ не отдалъ,—
Такъ за это ему сорокъ розогъ вкатить!..
Если бѣденъ мужикъ,—значитъ, пьянствовать сталъ!..
А за пьянство его ужъ не миловать стать!
— Сыпь полсотни ему!..

* * *

— Онъ теперь терпѣливъ, молчаливъ, какъ стѣна:
И хвала, и почетъ мнѣ теперь отъ него,
А попробуй-ка я, позаботься о немъ,
Подучи, просвѣти хоть немного его...
— Такъ ужъ онъ и того!..

* * *

— Онъ не станетъ тогда и властей признавать,
Да и подать платить перестанетъ совсѣмъ;
И богатъ будетъ онъ... Да какой же мнѣ толкъ?..
Скажетъ: „самъ я уменъ... обойдусь безъ царя!..
— Значитъ, къ чорту его!..“

* * *

— И не сладить тогда никому съ мужикомъ:
Онъ силенъ, какъ медвѣдь, своенравенъ, какъ быкъ...
Да на счастье мое неразвитъ, неученъ,
И въ придачу къ тому жъ онъ тяжелъ на подъемъ...
— Не то бъ, боже спаси!..

* * *

— Нѣтъ!.. ужъ мнѣ мужика не пристало учить;
Всероссійскую тьму ужъ не мнѣ разгонять!
Хотя и бѣденъ мужикъ, —да онъ подать несетъ;
Онъ коснѣетъ во тьмѣ... ну, такъ что же?!..
— Вѣдь за то я и царь на Руси!—

ДЕПУТАТАМЪ. *)

Депутатамъ отъ сословій,
Волостей и городовъ
Царь безъ дальнихъ предисловій
Объявляетъ пару словъ.

*) По поводу рѣчи Николая II въ 1895 г.

„Васъ за Ваши поздравленья
„Отъ души благодарю:
„Чувствъ покорныхъ изъявленья
„Любы русскому царю.

„Но я вамъ сказать обязанъ—
„—Знайте это, господа!—
„Конституціею связанъ
„Я не буду никогда!..

„Представительныхъ собраній
„Я съ пеленокъ не люблю
„И безсмысленныхъ мечтаній
„Я отнюдь не потерплю!

„И съ чего вообразили,
„Что такой я либералъ?!
„Или вы уже забыли,
„Какъ папаша управлялъ!..

„Знайте жъ это Вы, дворяне,
„И крестьяне, и купцы,
„И Вы,—Эй тамъ!—тверитяне,
„Либеральные земцы!

„Мнѣ не нужны депутаты...
„Нужны русскому царю
„Лишь жандармы и солдаты—
„—Откровенно говорю!.."

ПРОКУРОРСКІЯ РѢЧИ.

(Посвящается гг. Шубину, Меркулову, Жукову, Жихареву, Желиховскому и инымъ многимъ).

Нѣтъ, вы скажите мнѣ одно:
О чемъ весь этотъ людъ хлопочетъ?
Образованье имъ дано,
Карьера—всякому, кто хочетъ!
Такъ нѣтъ! имъ, видно, честь не въ честь,
Коли не сразу въ генералы!..
Но дайте мнѣ на мѣсто сѣсть,
Тогда—держитесь, радикалы!
По мнѣ серьезный человѣкъ
Съ опредѣленною карьерой
Не терпитъ нравственныхъ калѣкъ;
Его не подкупить химерой!
„Народъ!“ „Прогрессъ!“—Все это вздоръ,
Предлоги для интригъ нахаловъ!..
Но, къ счастью, я ужъ прокуроръ
И... поприжму я радикаловъ!
Народъ слагается изъ лицъ,
Народное же благо, счастье—
Изъ счастья этихъ единицъ.
Пусть, значитъ, каждый съ трезвой страстью
Печется о судьбѣ своей,
Не становясь на пьедесталы—
И вотъ вамъ счастье массы всей!..
О, берегитесь, радикалы!
Затѣмъ—прогрессъ: мой богъ—прогрессъ!
Но вѣдь, коли онъ не химера,
Такъ значитъ, личный интересъ
Ему и цѣль, и вѣсъ, и мѣра!
„Впередъ!—имѣя цѣль въ виду“—
Вотъ мой девизъ и идеалы!

И я, дѣйствительно, иду...
И... трепещите, радикалы!..
Давно-ли былъ я въ Окружномъ?
А вотъ теперь уже въ Палатѣ
И, тѣмъ же слѣдуя путемъ,
Навѣрно буду и въ Сенатѣ.
Окладъ не богъ знаетъ какой—
Вѣдь жизнь такъ страшно вздорожала!
Да въ будущемъ-то шансъ большой,
И горе вамъ, о радикалы!..
Притомъ же, ежели идти
Въ своихъ стараньяхъ все crescendo,
То можно, наконецъ, дойти
До полученія аренды...
Безспорно, труденъ этотъ призъ;
Но я вѣдь бью—во что ни стало,
(Какъ и велитъ мнѣ мой девизъ)
И... горе вамъ, о радикалы!..
А разъ я на виду—тогда...
Кто знаетъ?.. Министерства стѣны
Вѣдь тоже видятъ иногда
Серьезнѣйшія перемѣны!..
Конечно, чтобы такъ шагнуть,
Усилій надобно не мало,
Но я вѣдь выбралъ вѣрный путь,
И... трепещите, радикалы!..
Я спрашиваю васъ теперь:
О чемъ хлопочетъ это племя,
Коль блага и прогресса дверь
Открыта настежь передъ всѣми?!
Нѣтъ, нѣтъ! Серьезный человѣкъ,
Хоть будь онъ трижды добрый малый,
Не терпитъ нравственныхъ калѣкъ!..
И... горе вамъ, о радикалы!..

ПРОГРЕССЪ.

Дважды вашъ слуга покорный
Подвергался заключенью...
Ибо былъ подозрѣваемъ
Въ томъ, что служитъ убѣжденью.
Въ первый разъ сидѣлъ полгода,
Во второй—два года съ лишнимъ,
Сколько жъ времени на третій
Суждено ему Всевышнимъ?
Что жъ, судя по прежнимъ срокамъ,
Мы едва-ли ошибемся,
Лѣтъ пяточекъ полагая...
Но не думай, о читатель,
Что такое размышленье
Грусть въ душѣ моей рождаетъ,
Или даже хоть смущенье!
О, напротивъ, я въ восторгѣ,
Внѣ себя отъ восхищенья,
Видя мощный духъ прогресса
Даже въ срокахъ заключенья!

ДОЗНАНІЕ.

(Сказка).

(Авторъ—заключ. въ Петропавл. Крѣп.)

До грозной щуки вѣсть дошла, —
Доносчикамъ рѣчнымъ хвала! —
Что дерзкимъ воспылавъ задоромъ,
Карась задумалъ заговоромъ
Искоренить весь щучій родъ.

„Что скажетъ добрый нашъ народъ
Про этихъ бунтарей коварныхъ,
Безбожниковъ, неблагодарныхъ!
Не Богъ-ли власть намъ, щукамъ, далъ
Надъ всѣми рыбами въ рѣкахъ?
Ахъ, онъ, проклятый радикалъ!
Онъ завтра жъ будетъ въ кандалахъ!
И я клянуся головой,
Что этотъ заговоръ раскрою!“
Такъ наша щука вопіетъ
И Карася къ себѣ зоветъ.
Карась былъ бунтовщикъ отважный, —
Онъ не сробѣетъ предъ судомъ;
Послѣдствія ему не важны...
Онъ молитъ Бога объ одномъ,—
Чтобъ заговоръ открыться-бы не могъ;
Карась былъ честенъ—видитъ Богъ!..
— „Свою виновность отрицать,
Карась, Вы будете едва-ли?“
— „Почтительно прошу сказать,
За что меня арестовали?“
У Щуки точныхъ данныхъ нѣтъ,
Но говоритъ она въ отвѣтъ:
— „Любезнѣйшій, я очень уважаю,
Да было-бъ то извѣстно Вамъ,
Всѣхъ тѣхъ, кого я привлекаю
По политическимъ дѣламъ!
Хотѣла бъ всей душой своей
Окончить слѣдствіе скорѣй;
Вы сами тормозите дѣло!
Вы разсказать должны мнѣ смѣло
О всемъ. Я другъ Вамъ, а не врагъ!
Не слушайте всѣхъ рыбьихъ вракъ!
Вы скажете мнѣ: „Отрицаю!“
Но я то, вѣдь, отлично знаю,
Что Вы замѣшаны кой въ чемъ,
Конечно, очень въ небольшомъ...

Но, слыша Ваши отрицанья,
Я прилагаю всѣ старанья,
Чтобы улики подыскать,
И можетъ быть... Кто жъ можетъ знать!
При этомъ можетъ вѣдь открыться,
Что мнѣ теперь во снѣ не снится;
А кто заставилъ насъ копаться?..
Нѣтъ, лучше Вамъ самимъ сознаться,
Любезнѣйшій мой карасекъ!"
— „Тебя надую, куманекъ!
Я на себя вину приму,
Но цѣлый заговоръ спасу...
Я прокламаціи читалъ!"
Карась, подумавши, сказалъ.
— „Ну, а знакомы-ли съ Ершомъ?"
— „Коли скажу, что незнакомъ,
Возникнутъ хуже подозрѣнья;
Сознаться лучше, безъ сомнѣнья...
Я смолоду его знавалъ
И часто у него бывалъ!"
— „Гдѣ видѣлись въ послѣдній разъ?"
— „Конечно, прослѣдили насъ;
Да и не станутъ гнать козявку!"
Карась тотчасъ назвалъ Селявку.
— „У ней недавно вмѣстѣ были
И за здоровье Ваше пили;
Болтали долго всякій вздоръ—
Невинный самый разговоръ;
Чтобъ показать, что онъ таковъ,
Я приведу десятокъ словъ..."
И щукѣ разсказалъ Карась,
Какъ онъ, къ Селявкѣ обратясь,
Сказалъ, что онъ у береговъ
Недавно видѣлъ рыбаковъ.
Тотчасъ же Щука шлетъ приказъ—
Ерша съ Селявкой тайно взять.
— „Я научу, мерзавцы, Васъ,

Какъ заговоры затѣвать!“
Ершъ взятъ на мѣстѣ преступленья:
Онъ весь съ ногъ до головы,
Одѣтъ, какъ-будто для сраженья—
Не скрылъ онъ ни одной иглы.
— „Зачѣмъ оружіе хранили,
Скажите, Ершъ, Вы у себя?“
— „Такъ предки всѣ мои ходили,
Порода такова моя!“
— „Но для спокойствія опасно
Хранить оружье у гражданъ;
И ужъ, конечно, не напрасно
Былъ циркуляръ объ этомъ данъ!“
— „А какъ его я могъ читать?
Я жилъ одинъ въ глуби затопа...“
— „Никто не можетъ оправдать
Себя незнаніемъ закона!
Но, къ сожалѣнію, не въ одномъ,
Васъ обвиняютъ также въ томъ,
Что тайно вы образовали
Сообщество и что желали
Произвести переворотъ
Въ порядкахъ мирныхъ здѣшнихъ водъ;
Я ужъ давно веду дознанья...
Вотъ здѣсь всѣ эти показанья!
Детали всѣ ужъ знаю я.
Вы можете вину свою
Сознаньемъ облегчить...“—„Себя
Виновнымъ я не признаю!“
— „А между тѣмъ ужъ нѣтъ сомнѣнья,
Что вы свершили преступленья,
И Ваши многіе друзья
Сознались; въ томъ клянусь Вамъ я;
Вотъ Вамъ...“ И Щука прочитала
Все, что отъ Карася узнала.
— „А, значитъ, предалъ онъ, подлецъ!“
Вскричалъ обманутый боецъ:

— „Ужъ видно показанья честны,
Коли и мелочи извѣстны!“
Ему и въ мысль не приди,
Что только мелочи одни.
— „Такъ знайте жъ; да, весь этотъ строй
Съ его мертвящею нуждой
И съ деспотизмомъ Вашимъ гнуснымъ
Я презираю! Вамъ послушнымъ
Не буду! Да, мы замышляли!
Но отыскать насъ всѣхъ едва-ли
Удастся Вамъ! Карась предать
Хотѣлъ, но онъ не могъ назвать,
Кто третій съ нами былъ тогда,
И не узнать Вамъ никогда!“
— „А, значитъ, трое Васъ, друзья!“
Смекнула Щука про себя.
„... И если-бъ Вы меня пытали,
Вы ничего бы не узнали!..“
Селявка чуть не обмерла,
Когда была приведена;
Клялась святыми небесами,
Она преступными дѣлами
Не занималась и не знала,
За что въ тюрьму она попала.
— „Да, тяжки наши обвиненія;
Къ Вамъ быть не можетъ снисхожденья;
Вѣдь Вы стояли во главѣ,
Все это вѣдь извѣстно мнѣ!“
— „Но мнѣ-ли, мнѣ-ль, Селявкѣ малой
Такою тѣшиться забавой?
И кто бы слушать сталъ меня?
Свидѣтель Богъ—невинна я!“
— „Эхъ, дура, дура! Вижу сразу;
Но прежде я тебя поглажу!
О, нѣтъ! Напрасно вы такъ скромны,—
Вы образованы, способны;
Я это вижу по всему,

Дивлюсь я Вашему уму!
И всѣ товарищи твердятъ,
Что Васъ они боготворятъ!"
— „Но кто же, кто?"— „Ну Ершъ, Карась!
Сказала Щука, горячась,
„Ну, да,... прибавила она,
Какая бъ ни была вина,
Пока еще не будетъ поздно,
Исправить это дѣло можно;
При томъ условіи, конечно,
Что Вы сейчасъ чистосердечно
Свои ошибки объясните!"
— „Я рада; въ чемъ онѣ, скажите!"
— „Въ квартирѣ Вашей какъ-то было
Собранье..."—„Право, я забыла!.."
— „Былъ Ершъ, Карась, а третій кто?
Вы намъ должны назвать его,
Или поплатитесь сама!.."
Селявка назвала Сома...
Но я не точенъ! По прозванью
Она не знала звать его,
И Щука лишь по описанью
Врага узнала своего.
— „Скажите! Сомъ! И кто бъ узналъ,
Что онъ опасный радикалъ?
Подумать это просто больно!
Ему-ли не жилось привольно?" —
Онъ лично Щукѣ былъ знакомъ
И самъ жилъ маленькимъ князькомъ!—
Но время нечего терять,
Сома пришлось арестовать.
И что же, что же оказалось?
Въ его квартирѣ сохранялось
Все, что всего было важнѣй
Для заговорщиковъ-вождей;
И около двухсотъ страницъ
Документовъ, и списки лицъ,

Которымъ можно довѣрять
И порученія давать.
Что же? выборъ былъ не плохъ:
Сома кто же заподозрить могъ?
И еслибъ не попуталъ грѣхъ
Ерша и Карася, то... Эхъ!
Да въ томъ-то вѣдь и вся бѣда
Бываетъ Ваша, господа!
Вы честны, смѣлы—грѣхъ сказать,
Но не умѣете смолчать!...

Писклярь.

ТАЙНОЕ СОБРАНІЕ.

Ужъ какъ въ третьемъ отдѣленьи,
По цареву повелѣнью,
Храбрый Дрентельнъ-генералъ
Всѣхъ жандармовъ собиралъ.
Чтобъ царю служили смѣло,
Наливалъ по рюмкѣ цѣлой,
По полтиннику дарилъ.
„Эй, ребята! говорилъ,
„Подозрительныя лица
„Появилися въ столицѣ,
И бунтуютъ, и мутятъ,
И царя убить хотятъ!
„Ужъ вы, синіе мундиры!
„Обыщите всѣ квартиры,
„Мной на то дана вамъ власть—
„Знай, тащи, ребята, въ часть!
„Если гдѣ сопротивленье—
„Въ зубы бей безъ разсужденья,
„Самъ, молъ, Дрентельнъ-генералъ
„Отвѣчаетъ за скандалъ!“

Но, исполнены печали,
Голубые отвѣчали:
— „Ахъ, отецъ ты нашъ родной,
Предводитель удалой!
Показали бы примѣрно,
Какъ тебѣ мы служимъ вѣрно,
Да сумнительно, вишь, тутъ—
Сохрани господь—убьютъ!“
На такое заявленье
Молвилъ Дрентельнъ безъ смущенья:
„Стой, ребята, не страшись!
„Вотъ перцовка—подкрѣпись!
„Дамъ на каждаго двѣ роты
„Государевой пѣхоты,
„Казаковъ прибавлю взводъ—
„Знай, подталкивай впередъ!..
„Всѣмъ отрядомъ, душъ хоть въ триста,
„Двиньтесь вы на нигилиста,
„Навалитесь на него—
„И не пикнетъ ничего!“
Тутъ жандармы ободрились,
Усмѣхнулись, поклонились,
И отвѣтилъ бодро всякъ:
— „Ладно будетъ, коли такъ!
Ужъ послужимъ мы престолу,
Уничтожимъ мы крамолу,
И всѣмъ недругамъ твоимъ
Въ кровь мы зубы раздробимъ!“
И пошли у насъ въ столицѣ
Рыскать синихъ вереницы;
Хочетъ доблестная рать
Цѣлый Питеръ обыскать!

Н. Морозовъ.

ВЪ ПАМЯТЬ ОСАДЫ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ГЕНЕРАЛОМЪ ДРАГОМИРОВЫМЪ.

(Студенческія волненія 1899 г.).

I.

Тамъ, гдѣ Днѣпръ, величья полный,
Въ море плетъ сѣдыя волны,
Нѣжась въ пышныхъ берегахъ,
Тамъ, гдѣ князь Владиміръ въ воду
Путь указывалъ народу,
Тамъ, гдѣ княжилъ Мономахъ,
Тамъ, гдѣ въ Лаврѣ знаменитой,
Дрянью смрадною набитой,
Обираютъ міръ попы,
Гдѣ во славу всей Россіи
Фабрикуются святые
И плодятся, какъ клопы,—
Словомъ, въ Кіевѣ престольномъ,
Лаврой смрадною довольномъ
И грабительствомъ поповъ,
Въ этомъ славномъ градѣ Кія,
Кѣмъ гордится вся Россія
Случай былъ, друзья, таковъ.

II.

Отъ бездѣлья иль отъ скуки
Созданъ былъ тамъ храмъ науки.
То есть, университетъ.
Но не ради просвѣщенья:
Въ томъ порукою гоненья
На науку много лѣтъ.

Подвергая пресѣченью
Всякой мысли проявленье,
Молодой либерализмъ,
По приказу тамъ Емели
Врали чушь и не краснѣли,
Восхваляя деспотизмъ.
И расло младое племя—
Для земли пустое бремя,
Да коптители небесъ,
Негодяевъ лишнихъ стая,
Безполезная для края...
Только сжалился Зевесъ.

III.

Съ береговъ Невы туманной
Раздался призывъ желанный
Жертвъ злодѣя-палача:
Угнетенная свобода
Всѣхъ сзывала для похода
Противъ царствія бича.
И неслись святые звуки
Въ храмахъ загнанной науки,
Свѣтъ забрезжилъ въ темнотѣ.
Молодая Русь возстала
И девизъ свой начертала:
„Со щитомъ иль на щитѣ!“

IV.

И волною переливной
Долетѣлъ сей кличъ призывный
Въ матерь русскихъ городовъ.
Взволновалъ онъ храмъ науки,
Поднялись въ оковахъ руки,
Дабы сбросить гнетъ оковъ.
Зашумѣла Русь младая,
Свѣтомъ истины пугая

Мракобѣсія жрецовъ,—
Членовъ той позорной шайки,
Что хвалу поютъ нагайкѣ
Хоромъ наглыхъ голосовъ.

V.

Ректоръ—жрецъ, достойный мрака,—
Распустивши фалды фрака,
Къ Драгомирову бѣжитъ;
Полный страха и смятенья
О студенческомъ движеньи
Онъ воякѣ говоритъ.
Проситъ именемъ всей шайки
Постоять за честь нагайки
Силой пушекъ и штыковъ,
Чтобъ, внушивъ къ кнуту почтенье,
Усмирить скорѣй волненье
Либеральныхъ молодцовъ.
Но воякѣ, безъ сомнѣнья,
Показалось предложенье
Смѣхотворной чепухой.
„Мнѣ-ль“, воскликнулъ онъ, „герою
Брать науки храмы съ бою!
Мнѣ-ль, съ моею сѣдиною,
Нажитой въ бояхъ съ врагами,
Награжденному чинами
За побѣды здѣсь и тамъ,
Вдругъ начать играть въ игрушки,
Посылать солдатъ и пушки,
Съ бою брать науки храмъ!
И притомъ наука—дама...
На себя такого срама
Не могу я принимать;
Я—герой, царемъ почтенный,
Сѣдинами убѣленный,
Мнѣ-ли съ бабой воевать?

Ха, ха, ха!“ —Герой залился—
Ректоръ видимо смутился
И скорѣе утекать.
А министру только пишетъ:
„Драгомировъ глухъ—не слышитъ
И не хочетъ понимать.
Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата,
Я героя умолялъ.
Онъ же рѣчь завелъ о дамѣ,
О какой—спросите сами,
Ибо онъ мнѣ не сказалъ.
Очевидно, старичишко
И послѣдній-то умишко
На сраженьяхъ потерялъ“.
Вняли ректора посланью:
И министра приказанье
Къ Драгомирову летитъ:
„Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата!“—
Приказаніе гласитъ.
И герой безъ замедленья
Исполняетъ порученье:
Храмъ науки съ бою брать,
Смѣло съ бабой воевать.
Вырвавъ клокъ волосъ съ досады,
Двинулъ онъ свои громады—
Силу пушекъ и штыковъ.
Размѣстилъ все войско стройно
И стоитъ себѣ спокойно,
Къ нападенію готовъ:
Ждетъ геройски супостата,
Но, увы! безъ результата.
Ждетъ онъ день и ждетъ другой—
Непріятеля не видно.
„Это-ль, право, не обидно!“
Мыслитъ старенькій герой.

Отъ обиды еле дышитъ
И министру тотчасъ пишетъ
Лаконическій отвѣтъ:
„Занятъ постъ. Готовъ и къ бою,
Какъ и слѣдуетъ герою,
Непріятеля же нѣтъ!“
И за это донесенье
Получилъ онъ назначенье—
Заграницей погулять,
Чтобъ министра понимать.

IV. Изъ весеннихъ мотивовъ 1901 г.

НОВЫЙ РУССКІЙ ГИМНЪ.

(На мотивъ: „Гей, ну-те хлопци...“).

Да здравствуетъ солнце,
Да скроется тьма!
А. Пушкинъ.

Здравствуй, Свободы вольное слово,
Сердца могучее пламя!
Шествуй, отчизна, сбросивъ оковы,
Смѣло подъ новое знамя!..

Къ Вѣчному дружной, вѣрной семьею
Кличетъ свободное слово:
Къ дѣлу скорѣе! Новой зарею
Небо насъ встрѣтить готово.

Русь, подымайся! Новою брагой
Пѣнится новая чаша.
Пей же, отчизна, смѣло, съ отвагой!
Здравствуй же, родина наша!

Рушьтесь, темницы, рушьтесь, затворы:
Здравствуйте, вольности братья!
Къ свѣту отрады смѣлые взоры,
Къ солнцу свободы въ объятья!

Баянъ.

СПБ., 1 февр. 1901.

ПОТОКЪ.

Подъ привѣтливой лаской упорныхъ лучей
Растопивши кристаллъ бѣлоснѣжный,
Подъ высокой скалой изъ подъ кручи камней
Бьетъ источникъ волною мятежной.
Бьетъ упорной волной и струю за струей
Шлетъ къ просторному лону долины
И журчитъ и бурлитъ и кипящей слезой
Орошаетъ преграды тѣснины.
Разбѣжавшись въ пути, онъ свергаетъ со скалъ
Молодыя, кипучія воды—
Ему путь преграждалъ налетѣвшій обвалъ,
Но не смялъ онъ порыва свободы.
Закаливши свою молодую струю,
Побѣждая упорно преграды,
Не смолкаетъ потокъ въ непокорномъ бою
И не проситъ у камня пощады.
Онъ высоко возникъ—съ бѣлоснѣжныхъ высотъ
Онъ несетъ вдохновенную пѣну...
За струею струя неизмѣнно идетъ
Взбунтовавшимся струямъ на смѣну:
Онъ журчитъ и бурлитъ и кипящей волной
Подмываетъ преграды тѣснины—
Онъ живучъ и могучъ и упорной борьбой
Онъ достигнетъ простора долины.

СПБ., 15 февр. 1901 г.

ПѢСНЯ КІЕВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ.

На 7-е декабря 1900 г.

Мотивъ: „Смѣло, друзья...“

Братья, довольно терпѣнья!
Слышенъ повсюду нашъ стонъ...
Въ мракъ произвола, насилья
Всюду студентъ погруженъ.
Всюду одни разговоры,
Дѣло жъ подъ спудомъ лежитъ.
Вверхъ устремляемъ мы взоры,
Дѣла же каждый бѣжитъ...

Грозно, друзья, подымайтесь!
Дѣло насъ ждетъ впереди.
Стонъ заглушая, равняйтесь,
Стройно сомкните ряды!

Наши друзья въ заточеньи,
Въ тюрьмахъ зловонныхъ сидятъ,
Пѣсни поютъ обновленью...
Глухо имъ цѣпи вторятъ...
Рвутся сердца ихъ на волю
Къ нашей завѣтной семьѣ,
Рвутся и стонутъ,... а цѣпи
Глухо вторятъ имъ во тьмѣ...

Грозно, друзья, подымайтесь!
Дѣло насъ ждетъ впереди.
Слезы глотая, равняйтесь,
Стройно сомкните ряды!

Въ прошломъ нагайка свирѣпо
Рѣзала наши тѣла...
Врагъ разошелся, и слѣпо
Все сокрушалъ онъ съ плеча.
Знамя свободы и чести
Дерзкой рукой захватилъ,
Стаю мерзавцевъ, холоповъ
Съ своры, ликуя, спустилъ.

Грозно, друзья, подымайтесь!
Дѣло насъ ждетъ впереди.
Все вспоминая, равняйтесь,
Стройно сомкните ряды!

Нашъ идеалъ былъ осмѣянъ,—
Честный, святой идеалъ...
Каждый, въ комъ былъ онъ взлелѣянъ,
Къ мщенью друзей призывалъ!
Цѣпи терпѣнія пали,—
Тѣсно сплотилась семья!
Дружно тогда мы возстали...
Славенъ былъ подвигъ, друзья!

Грозно, друзья, подымайтесь!
Дѣло насъ ждетъ впереди.
Мщеніе помня, равняйтесь,
Стройно сомкните ряды!

Слышимъ мы дикіе звуки:
Царскій сатрапъ возмущенъ.
Храмъ нашъ священный науки
Нагло врагомъ оскверненъ...
Всюду штыки и нагайки,
Злобныя лица солдатъ;
Подлые царскіе слуги
Карцеръ, позоръ намъ сулятъ...

Грозно, друзья, подымайтесь!
Дѣло насъ ждетъ впереди.
Страхъ презирая, равняйтесь,
Стройно сомкните ряды!

Врагъ нашъ нахальной рукою
Струны души зацѣпилъ;
Рветъ ихъ одну за другою,
Рветъ, не щадя своихъ силъ.
Стонутъ, рыдаютъ святыя,
Звонкія струны души...
Болью вторятъ имъ другія,—
Сдавленной болью въ груди.

Грозно, друзья, подымайтесь!
Дѣло насъ ждетъ впереди.
Къ битвѣ готовясь, равняйтесь,
Стройно сомкните ряды!

ЛѢСЪ РУБЯТЪ.

Лѣсъ рубятъ... молодой еще, зеленый лѣсъ,
А сосны старыя, нахмурившись, стоятъ угрюмо
И, полныя неразрѣшимой думы,
Печально такъ глядятъ въ нѣмую даль небесъ...

Лѣсъ рубятъ... оттого, что рано зашумѣлъ,
Что шумомъ радостнымъ будилъ онъ всю природу,
Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце ясное, про счастье, про свободу.

Лѣсъ рубятъ... Но земля укроетъ сѣмена,
Пройдутъ года, и мощной жизни силой

Подымется борцовъ зеленая стѣна
И зашумитъ надъ братнею могилой...

Мартъ 1901 г.

„ДУБИНУШКА".

Новые куплеты, посвященные студентамъ-солдатамъ.

Удивилъ царь весь міръ,
Какъ царямъ предложилъ
Уничтожить военныя силы:
„Намъ не нужны войска,
Будемъ жить, какъ друзья,
И забудемъ про силу дубины."

Эй, дубинушка, ухнемъ....

Но дошло до царя,
Что настала пора,
И возстали студенты за право.
Первымъ долгомъ тогда
Принялся безъ труда
По старинному онъ за расправу.

Эй, дубинушка, ухнемъ....

И дубиною той
Милосердной рукой
Пополняетъ полки молодежью;
И какъ вспомнишь порой,
Гдѣ твой другъ дорогой,
Такъ невольно подернешься дрожью.

Эй, дубинушка, ухнемъ....

Но крѣпись, братъ родной!

За твоею спиной
Мы подымемся дружной семьею
И сотремъ произволъ,
И самъ царскій престолъ
Мы сравняемъ съ сырою землею.

Эй, дубинушка, ухнемъ....

Чтобъ въ солдатскихъ рядахъ
Отъ печали не счахъ,
Запѣвай-ка родную дубину,
Вспоминая о насъ,
Ожидая тотъ часъ,
Когда мы отомстимъ властелину,

Эй, дубинушка, ухнемъ....

Что ни день, что ни часъ,
Издавая указъ,
Царь враговъ себѣ самъ наживаетъ;
И въ Россіи давно
Страшной злобой полно
Все, что мыслитъ, живетъ и страдаетъ.

Эй, дубинушка, ухнемъ....

Нѣтъ, зачѣмъ намъ страдать
И себя продавать,
Слѣпо идя во власть произвола?
Не пора ли начать
Намъ народъ созывать?
Для борьбы уже почва готова.

Эй, дубинушка, ухнемъ....

И не день, и не годъ
Тотъ рабочій народъ

Весь готовъ для борьбы за свободу,
И вѣдь долгъ намъ возстать
И ему помогать
Сбросить съ плечъ вѣковую невзгоду!

Эй, дубинушка, ухнемъ....

Но вѣдь правда, друзья,
Что сей пѣсни слова
Не должны оставаться лишь звукомъ,
И настала пора, когда наша семья
Вся возстанетъ, идя другъ за другомъ.

Эй, дубинушка, ухнемъ....

НА МОТИВЪ МАРСЕЛЬЕЗЫ.

(Посвящается студентамъ).

Ты насъ вызвалъ къ неравному бою,
Безсердечный монархъ и палачъ!..
Надъ поверженной въ горе страною
Материнскій разносится плачъ.

Мы шли за свободу, за честь, за народъ,
За трудъ, справедливость и знанье.
Себя обрекли на закланье...
Впередъ, впередъ, впередъ!..

Былъ намъ дорогъ храмъ юной науки,
Но свобода дороже была...

Противъ рабства мы подняли руки,
Противъ ига насилья и зла.

Мы шли за свободу, и т. д.

Долетѣли ужасныя вѣсти,
Что разстрѣлянъ товарищъ-солдатъ,
Другу, матери, брату, невѣстѣ
Прямо въ сердце впустили зарядъ.

Мы шли за свободу, и т. д.

Кто смирится съ насиліемъ казни,
Равнодушно снесетъ гнусный срамъ?
— Только тотъ, кто исполненъ боязни,
Только тотъ, кто взмѣнникъ и хамъ!..

Мы шли за свободу, и т. д.

Пусть насъ ждутъ офицерскія плети,
Казематы, казармы сухарь, —
Но за то будутъ знать наши дѣти,
Какъ отцы ихъ боролись встарь.

Мы шли за свободу, и т. д.

Пусть насъ ждутъ пересыльнаго замка
Кандалы, ненавистный конвой,
Роковая казенная лямка,
Крестъ на шапкѣ и штыкъ за спиной.

Мы шли за свободу, и т. д.

Не двоихъ, не троихъ разстрѣляютъ —
По этапу заставятъ идти...

Мы не знаемъ, что́ насъ ожидаетъ,
Но послѣднее скажемъ „прости“...

Мы шли за свободу, и т. д.

Чтобъ разсѣять Свободы заразу,
Царь всю Русь разстрѣлялъ бы давно,
Но стрѣляетъ онъ робко... не сразу...
И всю Русь разстрѣлять мудрено.

Мы шли за свободу, и т. д.

Русь, откликнись на стонъ молодежи!..
Какъ могли мы дышать до сихъ поръ?..
Неужели на службу насилья
Насъ заставятъ идти?.. О позоръ!..

Мы шли за свободу, и т. д.

О, позоръ предъ исторіей вѣчной!
Казнь публичная въявь свершена.
Судъ назначенъ жестокосердечный,
Какъ вдовица, рыдаетъ страна...

Мы шли за свободу, и т. д!

Нашъ позоръ лицезрѣютъ народы...
Встаньте же, смѣлые, честные въ рядъ!..
Со штыками подъ знамя Свободы
Выйдетъ каждый студентъ, какъ солдатъ.

Мы шли за свободу, и т. д.

Литераторъ.

* * *

О, не плачь, невѣста, по студентѣ!..
Твой женихъ, увы, въ солдаты взятъ...
Онъ теперь за ослушанье власти,
Какъ преступникъ, брошенъ въ казематъ...

О, не плачь по сынѣ, мать родная,—
Черезъ годъ умрешь отъ горя ты!..
Честный сынъ твой, вѣрнымъ быть желая,
Угодилъ въ позорные „Кресты“.

О, не плачь, жена съ твоимъ младенцемъ,
Мужъ твой быть холопомъ не посмѣлъ...
Полевымъ военнымъ приговоромъ
Осужденъ измѣнникъ на разстрѣлъ.

О, не плачь, товарищъ уцѣлѣвшій,
Что разстался съ другомъ дорогимъ!
Завтра самъ ты будешь взятъ въ солдаты
И разстрѣлянъ гнусно... вмѣстѣ съ нимъ...

Слезъ не хватитъ выразить всѣ муки!
Другъ, женихъ и сынъ вашъ—былъ герой...
Нѣтъ! не плакать надо намъ,-- молиться
Предъ погибшей юностью святой.

Литераторъ.

ОСЛЫ И ЛЕВЪ.

(На отлученіе отъ церкви Л. Толстого).

Въ одной странѣ, гдѣ правили ослы,
Левъ завелся и сталъ налѣво и направо
О томъ, о семъ судить; и вотъ во всѣ углы
Про рѣчи львиныя пошла далеко слава...
Извѣстно всѣмъ, какой львамъ громкій голосъ данъ,
Какая скрыта въ немъ и сила и отвага.
А этотъ—первый былъ среди и львиныхъ странъ
И громко говорить для всѣхъ считалъ за благо...
И такъ какъ львы ничуть не схожи наословъ
И все въ привычкахъ ихъ и въ ихъ рѣчахъ иное,
То все правленіе ослиныхъ тѣхъ головъ
Отъ львиной дерзости лишилося покоя.
Какъ? Рядомъ долгихъ лѣтъ, природные ослы,
Обычай нашъ и нравъ привили мы народу,
А дерзкій левъ рычитъ на насъ свои хулы
И подъ носомъ у насъ плодитъ намъ львиную породу!
Къ несчастью пущему, народъ нашъ не глухой.
И данъ языкъ ему, какъ ни прискорбно это!
Одинъ послушаетъ, послушаетъ другой—
Глядишь, и разнесутъ ту ересь на полсвѣта!
— Судить немедля льва!—И семероословъ
Собралось засѣдать, какъ быть съ врагомъ косматымъ.
И сановитѣйшихъ ослиныхъ семь головъ
Такъ разрѣшилися посланіемъ хреватымъ:
Левъ названъ гибельнымъ смутителемъ страны,
Порвавшимъ дерзостно съ премудростью ослиной.
За то и ждутъ его рогатки сатаны,
Лизанье сковородъ и свистъ и шипъ змѣиный.
Готовы бъ съѣсть его ослы, да вѣдь боятся льва,
И только издали его лягаютъ.
И даже ясно такъ звучали ихъ слова:

„Вамъ, левъ неистовый, покаяться нельзя-ли?
„Забудьте львиныя замашки и хулы!
„Хоть очень смѣлы вы, но мы вѣдь тоже въ силѣ.
„Покайтесь! Будетъ вамъ, подите-ка въ ослы!
„Кто знаетъ?—Можетъ быть, чины бы получили.“
Когда же льву прочли зловѣщую рацею,
То онъ сказалъ, махнувъ хвостомъ:
„Здѣсь все написано ослинымъ языкомъ,
„А я лишь понимать по львиному умѣю.“

---

* * *

То было въ Турціи, гдѣ совѣсть вещь пустая.
Тамъ царствуетъ кулакъ, нагайка, ятаганъ,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый, маленькій султанъ.

Во имя вольности и вѣры и науки
Тамъ какъ-то собрались ревнители идей,
Но сильныхъ грубостью размашистыхъ плетей
На нихъ нахлынули толпы башибузуковъ.

Они разсѣялись... И вотъ ихъ больше нѣтъ;
Но тайно собрались изгнанники съ поэтомъ.
„Какъ выйти—говорятъ—изъ этихъ темныхъ бѣдъ,—
Отвѣтствуй намъ, пѣвецъ, не поскупись совѣтомъ!“

И онъ собравшимся, подумавъ, такъ сказалъ:
„Кто можетъ говорить, пусть духъ въ немъ словомъ дышитъ,
И если кто не глухъ, пускай то слово слышитъ,
А если нѣтъ — кинжалъ.“

ТОВАРИЩАМЪ-РАБОЧИМЪ.

(Отъ студента).

Работникъ, — труда неустанный герой,
Грядущаго строя кузнецъ,—
Вручи ты своей загрубѣлой рукой
Такому жъ герою задачи святой
Заслуженной славы вѣнецъ!
Ты знаешь: на Западѣ люди давно
Добыли свободу въ борьбѣ...
Въ Россіи покуда печально, темно,
Но все же къ побѣдѣ прійти суждено
По тѣмъ же дорогамъ тебѣ...
Когда произволъ разорить допустилъ
Народныя гнѣзда у насъ,—
Принесъ изъ деревни отъ милыхъ могилъ
На фабрику ты — сохранившихся силъ,
Надеждъ уцѣлѣвшихъ запасъ!
Но, если и бѣдность, и голодъ терпѣлъ
Тамъ, дома, по избамъ роднымъ,
Отдавъ ихъ грабителямъ, сдѣлался смѣлъ
Ты сразу — и счастья, и правъ захотѣлъ:
Разсѣялась робость, какъ дымъ!
Товарищъ сердито ревущихъ машинъ —
Не прежній забитый мужикъ:
Ты, другъ-пролетарій, теперь—не одинъ,
А братствомъ всемірнымъ, боецъ-исполинъ,
Растешь — и могучъ, и великъ!
Къ сознательной цѣли ты прямо идешь,
Лукавыхъ враговъ не страшась:
Не сломитъ тебя ни насилье, ни ложь!
Какъ предана честно тебѣ молодежь.—
Съ ней крѣпнетъ завѣтная связь.
Она, презирая безжалостный гнетъ,

Изгнанье, тюрьму и Сибирь,
Отважно стремится съ тобою впередъ,—
Плати жъ ей, любовью, рабочій народъ,
Поддержкой своей, богатырь!
Здѣсь юность выноситъ не мало кругомъ
Гоненій и мукъ, и обидъ:
Ей шествовать велѣно рабскимъ путемъ,
Но путь страстотерпчества мы изберемъ,—
Лишь трусовъ опасность страшитъ!
„Ученый“, „наука“—пустыя слова:
Россійскій профессоръ—жандармъ,
Мысль бодрая гдохнетъ, родившись едва,
И только идея лакейства жива
Средь школъ—ненавистныхъ казармъ!
Порядочный юноша тутъ—кандидатъ
На Сѣверъ, въ солдаты, въ тюрьму...
Шпіонство за то процвѣтаетъ—развратъ:
Всегда „патріотикъ“ учащійся радъ
За деньги продаться ему...
Студентамъ подобнымъ дозволено всласть
Таскаться въ притонъ и въ кабакъ,
Не грѣхъ проститутку шутя обокрасть!
Чужда имъ стремленій возвышенныхъ власть,
Любителямъ уличныхъ дракъ.
Но мститель за этотъ всеобщій позоръ
Нашелся въ отчизнѣ моей:
Виновника бѣдъ покаралъ онъ въ упоръ!
Холоповъ испуганныхъ слышится хоръ:
„Будь проклятъ, ужасный злодѣй!“
Эхъ, рабскія души, не изверги—тѣ,
Кто въ жертву приноситъ себя,
Служа благородной и смѣлой мечтѣ!
Распяли бъ охотно вы ихъ на крестѣ,
О собственныхъ шкурахъ скорбя.

11 марта 1901.

ГРѢХЪ ТЯЖКІЙ.

(Солдаская пѣсня).

На 4-ое марта 1901 года.

Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла

Смуту унимать. (2 р.)

Рано утромъ насъ взбудили
Не кормили, а поили

Водкою одной. (2 р.)

Много силы у солдата,
Но давить родного брата

Можно лишь спьяна! (2 р.)

Подготовивъ понемногу,
Повели насъ въ путь-дорогу—

Къ Невскому пошли. (2 р.)

Здѣсь въ дворы насъ засадили
И накрѣпко запретили,

Чтобы не шумѣть. (2 р.)

Не по насъ была засада—
Земляковъ брала досада

На такой приказъ. (2 р.)

Много, мало-ли сидѣли
Втихомолку, не галдѣли...

Слышь, команда намъ: (2 р.)

— „Выходите на тревогу,
Фараонамъ дать подмогу:

Клейгельсъ ослабѣлъ!“ (2 р.)

Вышли мигомъ на свободу,
Видимъ: тысячи народу,

Весь народъ шумѣлъ. (2 р.)

Тутъ и вольный, и военный,
И бродяга, и поштенный,—

Всѣ шумѣли тутъ. (2 р.)

Сперва зачали студенты,
Подхватили теллигенты,

Пособилъ народъ... (2 р.)

Храбрый Клейгельсъ-генералъ
Все подалѣ удиралъ

И кричалъ съ коня. (2 р.)

А Вяземскій-генералъ
Тотъ на Клейгельса кричалъ:

„Слушайся меня!“ (2 р.)

—„Ваше... ство, не смѣйте драться!“
—„Ваше... ство, не смѣть мѣшаться

Не въ свои дѣла!“ (2 р.)

—„Смирно! Стой!“ кричитъ удѣльный,
—„Бей, топчи!“ вопитъ бездѣльный

Клейгельсъ-генералъ (2 р.)

Молотокъ пошелъ тутъ въ дѣло,
Офицерику влетѣло—

Кровью залился... (2 р.)

Кутерьма затѣмъ стряслася,
Драка, свалка началася!

Бросились и мы. (2 р.)

Безоружныхъ колотили,
По башкамъ ихъ молотили,

Словно на току. (2 р.)

Полилася кровь ручьями,
Заливалися слезами

Многіе тогда... (2 р.)

Эхъ, солдатская ты доля!
Кабы наша была воля,—

Развѣ бы пошли! (2 р.)

Не зазорно-ль для солдата,
Колотить не супостата,

А честной народъ? (2 р.)

И калѣчить всѣхъ стараться,
И надъ бабой надругаться

Это-ль въ похвалу? (2 р.)

Какъ пришли домой мы въ роту,
Принесли одну заботу —

О своемъ грѣхѣ. (2 р.)

Постъ великій осквернили:
Что народу подавили—

Нут-ко отговѣть. (2 р.)

Попоститься, помолиться,
Съ грѣхомъ тяжкимъ разлучиться—

Хоть не нашъ тотъ грѣхъ. (2 р.)

Эхъ, отцы, вы командиры,
Опоганили мундиры,

Чистые досель! (2 р.).

I.

Опричники не умерли! Опричники живутъ!
На площади съ нагайками чинятъ кровавый судъ.

В каждой человѣческой горитъ безстыдный взоръ,
И [illegible] царскіе, псы алчные врываются въ соборъ.

II.

Опричники не умерли! Самъ царь трубитъ походъ.
Расправы дикой, варварской позорно ждетъ народъ.

Увы! погибъ цвѣтъ юности, оборванъ злой рукой!
Святою кровью юношей царь мнитъ купить покой.

III.

Опричники не умерли! Умрутъ они! Умрутъ!
Воспрянетъ юность смѣлая, воздастъ злодѣямъ судъ...

[illegible] жатвы мщенія созрѣютъ сѣмена,
За каждый стонъ страдальческій воздастъ врагамъ страна

ПѢСНЯ О БУРЕВѢСТНИКѢ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Меж тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучам онъ кричитъ,—и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ—жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и уверенность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей,—стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдыми отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ и ликуютъ волны къ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ: то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!...

М. Горькій.